

A stylized illustration of a young girl with brown hair in two pigtails, wearing an orange dress, walking away from the viewer on a light-colored path. She is holding a large red balloon in her right hand. The background is a light blue sky with soft, yellowish-orange clouds. A circular badge in the top right corner contains the text '16+'.

16+

Елия Ренес

Счастливая, или дорога к Себе

Елия Ренес

Счастливая, или Дорога к себе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64060966

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-97360-2

Аннотация

Коварство, двойное предательство, ложь. Долгие планы мести. Попытки добиться признания и обрести счастье. Ненависть к бывшему, несправедливость судьбы, непонимание. Дорога через чувство вины и страх, на которой я собирала разбитое сердце. Это женский роман, основанный на реальных событиях, для тех, кто не боится перемен в своей жизни. Угроза? Ни в коем случае! Это книга о том, кто и что способны изменить нас и сделать счастливыми. Люди, обстоятельства или мы сами? Книга отражает воспоминания автора об опыте с течением времени. Имена и события изменены, а диалоги воссозданы.

Содержание

Глава 1. Детство. О правильности, наказаниях и чувстве вины	6
Глава 2. Подруги. О предательстве и желании нравиться	29
Глава 3. О родительских амбициях, мести и снова о чувстве вины	45
Глава 4. Первая «любовь», или зависимость. Как посмотреть	68
Глава 5. О родителях и возвращении	84
Глава 6. Расставание и новая «любовь»	101
Глава 7. Какими бывают наивность и слепота	120
Глава 8. Другая	136
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Елия Ренес

Счастливая, или Дорога к себе

Моим девочкам

– Как она тебя назвала? – спрашивает воспитательница у Алинки.

– Ско-и-ти-на, – стонет девочка, размазывая грязь по щекам.

– За что ты ее так? — (это мне).

– Она первая начала обзывать! Толкнула меня прямо с горки!

– Врет она!

– Нет! Не вру! Я не вру!

Но меня не хотят слышать.

– Дети! Дети, ко мне! – воспитательница зовёт моих друзей. – С этого момента вы все называете Елю Скотиной! Понятно? Имени у нее больше нет! Десять минут наказания!

– Да-а-а! – весело и дружно звучат голоса вразнобой.

Все дети радуются новой забаве.

– Скотина, пойдём поиграем, – (это подбежала Маринка).

– Скотина? А, Скотина? – кричат другие лишь бы меня

обозвать.

Им всем весело, а мне дико обидно. За что?! Как же со мной несправедливы! Как и в тихий час после обеда, когда эта злобная тётя меня своим грязным тапком огрела. Вот нажалуюсь вечером маме... Обо всём ей расскажу.

Травля длится и длится, пока не замыкаюсь в себе. Прячусь от всех, горько плачу. Кажется, я виновата. Острое чувство вины, злости, обиды на всех раздирает изнутри болью. Хочется забиться куда-нибудь, никогда в детский сад не возвращаться. Я их всех... ненавижу.

– Ну что, Елия? – надо мной голос злой тётки. – Ты поняла, что обзываться нельзя?

– Поняла... – всхлипываю. Я всё ещё плачу.

– Отлично! – и громко всем. – Дети! Дети! Игра закончена. Больше Елию не обзываем!

Елия Ренес, 5 лет.

Но родители так ничего не узнали.

Глава 1. Детство. О правильности, наказаниях и чувстве вины

Ещё неделя и Новый год. В классе весело, вокруг галдят, слышится весёлый смех. Учителя нет, она где-то общается с завучем. Настроение чудесное и учиться совершенно не хочется.

Шум открываемой двери ни на кого не произвел впечатления. На пороге застыла она. Маргарита Ивановна. Хмурая какая-то, злая.

– Что здесь происходит? – удивленный резкий вопрос. – Ну-ка, все по местам!

С радостью бы, но Олежка вдруг забрал мой простой карандаш! И отдавать совершенно не хочет!

– Дай!

– Забери!

– Отдай, я сказала!

Олежка сбежал на свое место, весь сжался. И хоть по парте сосед, но как к нему подобраться?

– Дети! Тихо!

Пыхчу, забираю своё.

– Ренес! – спрашивает учительница. – Что происходит?

– Он забрал карандаш!

– Тишина в классе!

Из упрямства не хочу слушаться. Вообще-то, обидно. Все вокруг снова шумят, пока учительница занята нами. Ее лицо медленно, но верно краснеет.

– Дневники на стол! Живо!

Приходится выполнять. И через десять минут мне его возвращают обратно. Внизу красуется жирная надпись, яркая, каллиграфически четкая: «Поведение – «2»!

Вот досада! Как теперь дневник отдать маме? А папа? Папа что скажет? Там, где были сплошные «пятерки», неприятный ужасный сюрприз. А что, если?

Дома беру острую бритву и начинаю медленно затирать «двойку». Видела, так делала мама в тетради, чтобы спрятать одну из ошибок. Надеюсь, что получится стереть так, что и эта оценка исчезнет.

Усилия увенчались успехом. На месте двойки появилась дыра. Такая маленькая дырочка насквозь в окружении красно-грязного пятнышка. Среда закончилась, а в четверг Маргарита Ивановна снова попросила дневник. Может, хотела убедиться, что я его показала родителям? Ее, конечно же, ждал сюрприз! И сюрприз ей совсем не понравился.

Через мгновение на месте грязного пятна вместо «двойки» засиял жирный «кол». Единица по поведению была в три раза больше прежней оценки. Это стало неприятным открытием.

Вырвать бы страницу... Нельзя! Ещё придётся признаться родителям! Маргарита Ивановна приказала, чтобы они рас-

писались поблизости. Страшно. Стыдно. Родители меня точно накажут.

Как сейчас помню, стояла в углу, размазывая горькие слёзы. В ушах слышится до сих пор:

– Ты должна хорошо учиться!

– Ты должна быть хорошей девочкой!

– Зачем ты затерла в дневнике двойку? – ругалась мама. – До дырки! А сверху! Посмотри, что на дырке, Андрюш! Там же кол! Единица! Как тебе не стыдно!

– Я не виновата!

– Еще как виновата! Хорошие девочки так не поступают!

А я разве плохая? Неприятно слышать такое, и мне становится очень стыдно. Я хорошая, а раз так, значит, я виновата. Получила «двойку», потом «единицу». Плохо себя вела. Теперь мама и папа будут меня любить меньше. Тем более, теперь у них есть маленький Димка. Мама все время с ним, носит его и качает.

– Бессовестная... – они ещё ругаются, а в конце после молчания. – Не будет тебе школьной елки. Наказана за враньё, за свой поступок!

А как же костюм «Красной Шапочки» сшитый мамочкой под Новый год? Первый праздник в школе пройдёт без меня? А Дед Мороз? А подарок? Всем дадут конфеты, там будет и мандарин. А я? Останусь ни с чем? Мама, папа... Вы серьезно? Не шутите?

Увы, они не шутили.

Не знаю, что было обиднее. Стоять в углу и плакать или сознавать, что наказание усилено запретом на праздник. Не будет подарка на Новый год, не будет зимнего чуда.

– Хорошие девочки так себя не ведут. Вот постой и подумай.

О чем подумать, мамочка? Папочка?! О дневнике и спрятанной от вас оценке? Так этого я и боялась! Боялась ругательств, боялась ремня и шлепков, боялась, что вы ничего не поймете. Вы и не поняли. Не сумели. Но вы четко знали, что ваша девочка должна быть лучшей и правильной, и как умели – учили.

Обидно... Лучшая я, умница и отличница превратилась в позор для родителей.

И что теперь делать с этим? Как исправиться? Может быть, усердней учиться? Так я могу! Я докажу, что дочка у вас самая лучшая. Вы будете мной гордиться. Ведь я хорошая девочка и умею вести себя правильно. Ещё хороших девочек родители меньше бьют.

Но у меня стало портиться зрение. Я росла, росли глазные яблоки, усиливалась близорукость.

Гораздо позже, спустя года довелось читать о психосоматике. Говорят, зрение портится, когда человек что-то видеть в своей жизни не хочет.

Что не хотела видеть я? Заботу мамы о младшем брате? У него постоянно болели уши и голова. Постоянные отиты, врачи ставили Димке повышенное внутричерепное дав-

ление. Мне доставалось всё меньше и меньше внимания, а ещё добавилось новое чувство вины.

Тот день навсегда отпечатался в памяти, а чертов страх наказания не позволил обо всем рассказать. Тогда мне было семь лет, может быть, исполнилось восемь.

– Елия, посиди с братиком, – сказала мама и оставила меня с ним на лоджии.

Кровать с панцирной сеткой отлично подходила для укачивания вечно капризной ляльки. Завернутый в пеленки малыш лучше всего успокаивался на свежем воздухе. Мама ушла, а Димка все хныкал и хныкал. Почему я должна его качать? Почему должна за ним ухаживать? Что ему родителей мало? Он и так все забрал у меня и этим всегда раздражает.

Но я боюсь послушаться маму, потому с силой толкаю сетку руками. Раз-два-три. Раз-два-три. Ну, замолчи! Слышишь? Когда же ты замолчишь?

В какой момент живой конверт слетел с кровати? Не знаю... Но брат вдруг оказался на бетонном полу и гораздо сильнее расплакался. Закатился так, что внутри меня что-то оборвалось и сломалось. Как только мама узнает, меня сразу же избьют.

Бросаюсь к нему, хватаю на руки и прижимаю к себе.

– Дима, Димочка, миленький. Маленький, ну, прости! Ну, пожалуйста, не плачь. Не реви.

Качаю его на руках, пока сердце рвётся на части. Его жал-

ко. Себя жалко не меньше. На балкон вбегает встревоженная мама, подхватывает братишку.

– Что случилось?

– Не знаю... – выдавила еле-еле. – Может, он проголодался?

Это было все, что я сумела ответить, на долгие годы похоронив себя под чувством вины. Страх наказания оказался сильнее моей честности и возможных проблем. Тогда я знала, что поступила неправильно, но ничего поделать с собой не могла.

Трусиха... Помню, я очень обрадовалась, когда брат всё-таки замолчал. Живой же? Быстро сам успокоился, когда мама сунула ему грудь. Значит, всё образуется.

С каждым годом Димка потихоньку вырослел, мне становилось все легче, этот случай превратился в «скелет». Старая ложь медленно зарастала ревностью и злостью на брата. Он меня раздражал. Впрочем, Дима не терпел и меня. Мы делили с ним комнату, квартиру, родителей. Младший ребёнок, мамин любимчик. Я его почти ненавидела...

И продолжала учиться.

Маму сократили с должности, поэтому она сидела дома, вела хозяйство, занималась Димой и мной. Папа следил за оборудованием на заводе детских игрушек.

Родители часто ругались. Они скандалили, и мама обижалась надолго. Замолкала, уходила в себя. Папа был более отходчивым, всегда старался мириться первым, вёл себя как

ни в чём не бывало.

В просветах семейной идиллии я чувствовала себя самой счастливой. Любили меня, родители любили друг друга. Весь мир расцветал, пока в какой-то момент из-за очередного скандала вновь не превращался в кошмар.

Я знаю множество бранных слов, но произносить их нельзя. Хорошие девочки не ругаются. Лучше спрятаться и не попадаться родителям на глаза, особенно когда слышатся маты. Хорошо закрывать уши, бояться, но все же подслушивать:

– Надо было уйти ещё тогда!

– А что не ушла? Ну и шла бы!

– Да, дура я! Согласилась же на второго. Куда я теперь пойду?

Правильно, мамочка. Не уходи. Я так хочу, чтобы ты меня обняла, прижала к груди, целовала и гладила по волосам. Как тогда, когда не было Димки. Тогда я была еще маленькой. Помню, горло болело, а ты меня любила, лелеяла. Учила читать, подкидывала высоко к потолку. Я любила те фотографии, где я хохочу и взлетаю, а выше меня – только кудри!

Но тебе всегда некогда, потому что у Димки снова уши болят. Ну, ничего... Каникулы скоро закончатся, начнется четвертый класс, тогда я вновь принесу вам «пятерки», и ты похвастаешься всем нашим родственникам, какая у тебя растет дочка. Обнимешь меня, поцелуешь. Жаль, «просто так» слишком редко бывает.

Дома не было денег. Папа работал как проклятый, мама

сидела в декрете, пока разваливалась наша страна. Задержка зарплат всем влияла на нервы, как и отсутствие вещей и продуктов на магазинных прилавках. Помню, как радовалась мама талонам от отца-ветерана. Еще бы! Только в спецмагазине можно купить колбасу, сыр, сахар и не стоять в жутких очередях.

– Вот тебе десять рублей. Больше у меня денег нет.

Мама протягивает деньги. Розовая бумажка единственная и самая крупная. Страшно брать почему-то. Это же такая ответственность!

– купишь двести грамм колбасы. «Докторскую» возьми. А на обратной дороге – хлеб. Сдачу вернешь. Поняла?

– Угу!

– Не потеряй!

Не потеряю! Я умею быть лучшей, полезной! Лечу вниз по лестнице, впереди – путешествие. Я – взрослая, мне доверили покупки и деньги. До магазинов прилично идти, но это меня не пугает. Три квартала до хлебного, еще три вниз до магазина ветеранов. Но хлебный же ближе!

Скачу вприпрыжку, радуюсь. Ведь жизнь так хороша! Солнце тёплое, синее небо, день такой расчудесный. Забегаю за хлебом. У меня в кошельке есть копейки. Очень хочется вкусную булочку. Стою в очереди, сжимая в руке теплый хрустящий рогалик, он пахнет просто божественно, слюнки так и текут.

Я расплачиваюсь и бегу дальше. Время и так потеряла, на-

до купить колбасы. В магазине для ветеранов шарю по всем карманам. Куда-то пропала бумажка. Нет бумажки совсем. Десятка куда-то исчезла. Наверное, выронила... Тут же пулей обратно. Потерялась купюра, а в хлебном уже новые люди. Но, может быть, мне повезет?

– Вы не видели здесь мои деньги? Я десять рублей потеряла!

– А тут был парень с девушкой, я видела! – подсказала одна из старушек. – Я сидела здесь, видела. Она как раз наклонилась, подняла с пола «десятку», сунула ему и сказала: «Ты что деньгами разбрасываешься?»

Тогда я была очень наивной и верила в людскую порядочность. Я выскочила из магазина, оббегала в округе все улицы, ещё надеясь поймать парня с девушкой и вернуть свою утрату. Но через час или два стало ясно, что денежка не найдется.

Слезы, страх возвращаться домой. Я же знаю, что произойдёт. Вне сомнений я поступила неправильно. А раз неправильно, значит, будут наказывать. Мама же сказала идти за колбасой, а я сначала купила рогалик. Будь он неладен!

Домой я вернулась не скоро. Димка спал, а мама... Мама сильно встревожилась.

– Еля! Тебя так долго не было! Где ты была?

– Мам... Мам...

– Что, мам?

– Я потеряла деньги, – выдавила из себя с жутким трудом.

– Потеряла деньги? А колбасу купила?

– Нет.

– Как это случилось?

Я все рассказала. Хлеб мне купили люди. Выразили свое сочувствие. Я вернулась домой с целой буханкой. Потом... Потом случился термоядерный взрыв. Божество в лице мамы взъярилось. Она схватила провод от сломанного утюга из кухонного шкафчика и пошла на меня.

– Ах ты, дрянь! Ах ты, засранка!

– Мама... Мамочка, не надо! Не надо, мамочка!

Ноги и ягодицы пронзает дикая, просто дикая боль. Тонкий стальной провод в оплетке становится огненным адом. Ощущения гораздо больнее, чем какой-то солдатский ремень. Больнее даже, когда ноги задевала металлическая солдатская пряжка. Так больно бьёт только скакалка.

– Последние деньги! Жить-то на что? Я же говорила тебе. Предупреждала!

– Мамочка! Мамочка!

Забиваюсь в угол за дверь, кричу, сворачиваюсь, как можно сильнее. И плачу, плачу навзрыд. Громко кричу, умоляю при каждом жгучем ударе:

– Не надо, мамочка! Ы-ы-ы... Не надо! А-а-а... Пожалуйста, больше не бей!

Как молитву повторяю и плачу, надеясь, что мама, наконец-то, простит. Мне всё-таки повезло. В какой-то момент мама сжалилась и ушла, продолжая ругаться. Сколько было

ударов? Не знаю. Три, пять? Всё смешалось тогда.

Позже она всё время рассказывала, что я «посеяла» последние деньги, предназначенные на две недели. Впереди была неизвестность, зарплаты задерживали, денег так просто не взять. Она за всех нас тогда испугалась. Потому и объясняла мне. Видимо, жестокое наказание ей тоже не давало покоя, пока я о нём вспоминала.

А пока я плакала, сидя за дверью в углу. Мне было жаль себя, ноги, попа болели. Яркая жгучая боль тупела, становилась просто горячей. Даже в чем-то приятной.

Когда буря чуть улеглась, я показывала ей багровые полосы в надежде на принятие, жалость. Мне так хотелось любви. Её любви и прощения.

– Так тебе и надо, раззява. Будешь знать, как не слушаться! – сказала в ответ она.

Буду слушаться, мама! Конечно, буду! Я ослушалась тебя, поступила неправильно. Виновата, понятно. Ты меня наказала, значит, я искупила вину.

Ух, эти парень и девушка! Зачем они мои деньги забрали? Разве так поступают? Ух, этот несчастный роголик! Вот приспичило же его купить! Ведь можно же было обойтись без еды? Жаль, что так получилось. Ах, как же жалко себя! Из-за них я так пострадала. Бедненькая, ну, Елечка... Ну, не плачь. Ну, пожалуйста.

Я неистово жалела себя. Так любила себя через жалость. Зрение упало сильнее.

– Вашей девочке нужна операция.

– Что? – мама испугана. – На глазах?

– Напишите в Москву. Спросите у Федорова. Может, он вам поможет.

Вижу, как мамочка строчит письмо. Почерк у неё аккуратный. Мне нравится, как она выводит букву за буквой. Я вот так не умею, пишу, как курица лапой. Когда-нибудь обязательно научусь писать так же красиво.

Начались врачи, консультации, поликлиники. Все-таки общий наркоз, операция, какой-то скальпель и нитки в глазах. И мама! Мама со мной. Она меня любит, заботится. Прямо как тогда с переломом! Подмывала меня, мыла голову. Мама снова любила меня. Точно так же, как любила до братика.

В перерывах между работой папа со мной занимается. Хочет, чтобы я стала сильной, здоровой. Мы тренируем выносливость.

– Качаем пресс.

– Не хочу.

– Я сказал. Качаем пресс. Сейчас.

И вот я на полу, мои ноги придавлены руками отца. Делать нечего, приходится слушаться. Раз. Два. Десять. Пятнадцать.

– Устала, – хнычу.

– Отдохни.

Проходит пара минут.

– Начинаем. Ещё раз.

– Не могу-у-у! Это же третий заход!

– Ну и что? Делаем через не могу. Слышишь, Еля? А ну, раз-два-три!

Снова скручиваюсь, пыхчу. Пять, десять раз, пока мышцы не отказывают, и я просто лежу на полу. Сил нет, живот болит, но папа неумолим.

– Теперь отжимаемся вместе.

Еще и это? Покорно выполняю задание, опасно ныть, иначе папа легко разозлится. Он очень вспыльчивый, с ним маме трудно. Я не хочу, чтобы он снова кричал на меня. Когда он кривит губы вот так, то хочется сжаться, но ещё больше – сбежать. Вдруг за ремень схватится?

– Через не могу, Еля. Тебе это в жизни поможет.

Слезы, нытье на занятиях, а позже и сложнейшие подъемы в горах. Даже когда нет дыхания, а легкие того и гляди разорвутся на части, я делаю шаг. Еще шаг. Вдыхаю поглубже, кручу головой на хруст ветки. Кто там? Вдруг, настоящий медведь? Говорят, они тоже захаживают.

В том ельнике живут настоящие белки, а там, где березы, даже летом найдутся свежие сыроежки. Если нам повезет, то вечером пожарим грибы. Всякое восхождение все равно, что работа, каждый пик, как награда. Не каждый взрослый может залезть на горки, где мы с папой часто бываем. Подниматься не страшно. Вниз лететь – вот где ужас! Влажная глина, земля катится вместе с камнями, смотришь вперед – там обрыв!

– Не хочу-у-у!

Плачу. Мне хочется отдохнуть, посидеть. Солнышко пока еще греет, но скоро за горку пойдет. А воздух! Как пахнет в елях!

– Быстро вставай! – рявкает папа.

Его слово – закон! Соскакиваю с нагретого камня.

– Возьми меня за ремень!

Хватаюсь, знаю, что меня не оставят, вытащат и, конечно, спасут. Он же папа любимый! Мой папочка! Защитник! Сильный и смелый мужчина! И лечу вслед за ним, быстро-быстро перебирая ногами, крепко закрывая глаза. Спуск пугает, нет сил смотреть вниз. А иногда мы вместе скатываемся в листьях на попе. Весело и остановиться нельзя.

Нам надо успеть на последний автобус, идущий обратно в город, иначе еще с десятков километров придется тащиться пешком.

А в один из солнечных дней в моей жизни случился праздник. Я глазам не поверила, когда мама и папа на день рождения принесли домой новенький велосипед. Красный, яркий, с черной резиной на колесах, он сверкал белой надписью «Кама». А название-то какое! Это же... Это же... мой личный Транспорт!

Подумаешь, весит прилично! Его нести по лестнице вниз легко, невзирая на запреты врачей, гораздо грустнее мыть постоянно колеса. Так на пролете между третьим и четвертым этажом появилась стоянка. Но все трудности нипочем,

когда едешь по улицам, а ветер дует в лицо. Скорость, свобода, хрустящие рогалики и мороженое! Иногда по пять в день. Не надо ни друзей, ни подружек. То я играю в таксиста, то велосипед – это конь.

Деньги водятся. Они вообще не проблема с тех пор, как отец пришел довольный с завода. Чем-то похожий на Деда Мороза с огромной коробкой, в которой что-то постукивало, когда он ей весело тряс.

– На заводе стали давать работу на дом. Еля, а Еля? Хочешь собирать паровозики?

– Паровозики?

– Да. Будешь надевать на колеса резинки, а потом каждую игрушку класть в эту коробочку. Главное ключ не забудь. А я буду ставить пружинку.

– О! Это так интересно.

– За каждый паровозик я буду платить тебе три копейки.

– Какие такие копейки?

Не верю ушам. Папа говорит какие-то странные вещи, а губы непроизвольно расплываются в дурацкой в своей сути улыбке.

– Такие. Работать давай.

Интересная сборка уже к тридцатому паровозу превратилась в рутину. Блин. Блин! Резинка на одно колесо, на другое, бросаю унылый взгляд в окно, затем на коробку. Сколько их еще там? Целые сотни! Я гулять хочу, меня на улице ждет подружка. Солнце еще высоко, но постепенно близится

вечер.

Неужели пропущу улицу? Угу... Так и вышло. Обидно! Из-за этих отвратительных паровозиков я теперь привязана к дому. Хочется плакать, но достаю из коробки деталь. Уже даже не знаю, какую по счету.

День за днем. Паровозики, пистолетики, куклы. Завод детских игрушек пытался выжить и жить. Неделя, вторая, третья. Пока в очередной вечер не слышу:

– Еля, ну-ка, сюда иди.

Испуганная, (опять что-то там натворила?), выхожу из комнаты в зал. Горит свет, папа стоит возле стола, на нем лежит зелененькая бумажка. И еще деньги кучкой.

– Что?

Смотрю на отца, он двигает мне три рубля.

– Это твои. Держи. Заработала.

– Что?

Нет... Улыбаться я умею еще дурнее, чем думала. Что за ерунду говорит? Мне жутко страшно. Мне дают крупные деньги? А вдруг я их потеряю? Что с ними делать вообще? Вдруг их потрачу *неправильно!*

– Не-ет. Я не возьму.

– Это твои, – с улыбкой подключается мама. – Ты заработала.

– Мне не надо. Вы что...

Страшно, я не хочу денег, вот как есть не хочу.

– Да бери же.

– Нет, мам. Ты забирай. Мне не надо. Купишь нам сапоги. Может, она хоть так нервничать перестанет? Денег ей не хватает. А так... Я ей помогу. Она станет вновь улыбаться. Ей будет легко.

– Нет, Еля. Деньги ты забирай.

– А что на них покупать?

– Все, что хочешь!

– Правда?

– Правда-правда.

Родители смеются, и я с трепетом забираю купюру. Это же сколько всего! И вообще! О! Вот я развернусь! Сколько же рогаликов, хлеба, мороженого! И работать теперь интереснее. С удовольствием вливаюсь в процесс, чтобы в очередную получку воплотить в жизнь мечту.

– А можно в парк?

– В парк?

– На аттракционы хочу.

Так хочется на них покататься. Я так до-о-олго там не была.

– Но мне некогда, – говорит мама и хмурится.

– Мне тоже не хочется, – поддерживает маму отец.

– А можно я поеду одна?

– Одна?!

Недоуменные взгляды родителей, беспокойство. Ой... Вот бы все получилось! Я даже ходила в хлебный с трех лет, не подозревая, что папа шёл следом. Подумаешь, тут ехать

дольше! Дорогу знаю, мы в парке бывали. А если отпустят одну – вот будет шик! Делай что хочешь, играй, как угодно. И деньги со мной!

– А что? Автобус прямой. Села и через минут сорок там. Погуляет немного, к вечеру вернется домой.

А я что? Я могу! Очень запросто!

– Елия у нас самостоятельная. Девочка умная и к чужим не подходит.

– Ты поняла? Вернешься до того, как будет смеркаться. В четыре часа!

На том и решили. Окрыленная свободой и счастьем лечу на остановку. В нетерпении жду автобус, сажусь. Еду, с радостью глядя на лица. Мир цветет радужными красками. Впереди напитки с трубочками, сладкая вата, «Веселые горки», «Сюрприз». Меня даже не смущает, что я еду одна без подружек. Одной ведь так хорошо! Бывает же в жизни везенье!

В парке много людей. Они почти все улыбаются, отдыхают, им здесь всем хорошо. Это отдых, он так отличается от унылой серости будней, от вечной нехватки денег, от ворчания мамы и яростных папиных вспышек. Деревья зеленые, запах цветов. А воздух!

Атмосфера праздника не покидает все время. Даже когда кончились деньги, все равно уходить не хочу. Так и брожу по аллеям. Парк медленно, но верно пустеет, люди уходят домой, сворачиваются торговки, появляется молодежь. Солнце почти на закате, а я совсем забыла, что мне надо пораньше

вернуться. Бегу на остановку, там прыгаю в нужный автобус.

Даже страх не может испортить ощущение свободы и праздника. Ничего страшного, подумаешь, задержалась? Я объясню. Обязательно все объясню, расскажу им, как здорово просто гулять по скверу, не сидеть в четырех стенах скворечника!

Еду домой. С каждой остановкой, приближающей меня к дому, все сильнее мрачнею. Быстрее, быстрее автобус вези! Страх медленно, но верно тянет лапы, прикрываясь сумерками и темнотой. Она как враг подбирается ближе и готовит проблемы.

Дверной звонок – птичья трель. Сутулюсь, вжимая голову в плечи. Так сама себе кажусь незаметной. Так меня немного меньше, если решат наказать. Дверь открывается, на пороге мама смотрит с укором.

– Где ты была?

– Загулялась. Я больше не буду.

– Заходи.

Она меня пропускает. Осторожно разубаююсь, держусь чуть подальше, чтобы вовремя от нее отскочить. Напоминаю себе маленького трусливого зайца, но так для меня безопасней.

– Ты хоть понимаешь, что мы беспокоились? – спрашивает мама. – Тебе не стыдно?

– А папа?

– Поехал тебя искать. Очень ругался. Вот очень!

– Куда поехал? В парк?

– В парк.

Мама что-то еще говорила. Из памяти стерлись слова. Скорей всего, что девочки должны слушаться маму и папу, выполнять все, что им скажут, быть правильными во всем и всегда. Говорила, что они беспокоились.

На улицах города – ночь, зажглись фонари, застрекотали сверчки. Именно тогда нахлынул безотчетный, всепоглощающий страх. Он пришел, как только в замке заскрежетал папин ключ.

– Еля! Ну-ка, быстро ложись, – в страхе цыкает мама, толкает меня в детскую комнату, прикрывая белую дверь.

– Андрей...

– Она вернулась? – усталый, с горечью голос.

– Пришла. Почти сразу, как ты уехал.

– Где эта гадина? – папа вспылел. – Сейчас я ей дам!

– Тише, Андрюш. Спит она уже. Ну, перестань. Разбудишь же!

Папа сильно ругается, с каждым брошенным словом я все глубже зарываюсь под одеяло. Мечтаю слиться с темнотой, исчезнуть из квартиры. Только бы не наказали! И замираю, когда открывается дверь. Тяжелое дыхание отца, моё сердце глухо стучит. Раз-два-три. Раз-два-три...

– Андрей, пойдём. Я тебя накормлю.

И дверь... закрывается. Лежу, не верю, что так повезло.

– Я весь парк облазил, Тая. Четыре раза вдоль и поперёк!

Весь парк! Возле озера на троих пьяных с ножами наткнулся. Спасибо даже не армии, но больше улице. Выкрутился.

Мама меня защищает. Я же тихонечко плачу от раскаяния, от жалости к себе и от страха. Они волновались, переживали. Как я поступила жестоко! Плохая, Еля, плохая! Так наказываю сама себя. Но именно в ту ночь поняла, какую причинила им боль. Просто потому, что подслушала.

– Хрен она теперь куда-нибудь выйдет из дома!

– Ну все, Андрей. Все хорошо. Слава Богу, Еля вернулась. Загулялся ребенок.

С тяжелым сердцем все-таки засыпаю. Кажется, повезло. Но утром все еще страшно. Встаю в центр зала перед родителями. Предстоит разговор.

– Простите меня, – прошу сразу, не дожидаясь вердикта.

– Мы надеемся, ты впредь будешь думать, – говорит мама. – Задерживаться нельзя. Домой надо приходиться вовремя.

– В следующий раз будет хуже, – грозит папа. – Выпорю так, ходить не сможешь два дня. Усекла?

Конечно, я все поняла. Прогулка в парке надолго осталась уроком, заставив меня впредь возвращаться домой по часам. Задерживаться нельзя – чревато большими проблемами!

Я продолжила кататься на велике и придумывать сказки. Так я играю. В выдуманной жизни легко. Там нет криков родителей, там нет их ссор и вечного недовольства друг другом. Там нет младшего брата, трепещущей над ним мамы. Там все так, как придумаю я.

В моих сказках есть большая собака. Она ходит рядом со мной и меня защищает. Такая большая овчарка. А еще в моей сказке есть конь. Настоящая лошадь, которую я держу на балконе и вывожу погулять. Как она спускается по ступенькам, сильно не думаю. Легче выдумать первый этаж. Не обязательно жить на четвертом. А когда я еду в седле, на меня смотрят все с восхищением. Родители это увидят и будут любить больше Димки.

Чем не выход жить в счастье? Только вот... Сказка рано или поздно заканчивается, и приходится возвращаться в реальность.

Туда, где меняется жизнь. Где нет работы, а Советский Союз развалился. Странные они. Почему-то волнуются, говорят о деньгах и продуктах. Какая разница, что кушать? Есть же у нас макароны! Жаль, вот гречки уже не найти. Каша с маслом, немного соленая... Ее могла бы есть чашками, но гречку в магазинах не купишь. Она – деликатес! Такое вот новое слово.

Папа стал выпивать. Родители ссорятся чаще. Денег не было, мы выживали.

Я писала эту главу с трудом. Слишком многое с тех пор изменилось. Плакала от жалости, грусти. Не о себе. О маленькой Ельке. И пусть радостных моментов было гораздо больше, но почему-то именно худшие запомнились лучше всего. Все события предстали ярко, как будто случились

вчера. И, пожалуй, именно эта глава явилась началом завершающего этапа на дороге к Себе.

Глава 2. Подруги. О предательстве и желании нравиться

Куда же взрослеющей мне без лучших подруг? По-настоящему с ними я дружу с третьего класса. Самые близкие – Ира, Ангелина и Рита.

С Ритой нас объединяют занятия верховой ездой и работа в развлекательном парке. Мой любимый парк Горького – не найти места лучше для отдыха. Все выходные, а летом и дни напролет я общаюсь с лошадами: чищу их, кормлю на «фа-зенде», езжу сама, а после катаю детей, с выручки получая проценты.

Конный прокат стал золотой жилой карманных денег, не надо просить у родителей. Они и так перебиваются от аванса до полочки, цены постоянно растут. Предлагала ли я им свою помощь? Думаю, да, но денег почему-то не взяли.

Работать в парке гораздо приятнее, чем нянечкой в детском саду. От монотонной уборки группы, мытья посуды с утра до вечера я сбежала уже через месяц. Какой смысл страдать и терпеть, если можно найти получше?

– Ты хорошо подумала? – спросила мама.

Ещё бы! Нет малейших сомнений. Откуда им взяться? После того, как в последний рабочий день я мойку макаронами в группе забила, возвращаться совершенно не хочется. Нет,

чтобы сходить к мусорным бакам, но лень меня победила. Я нашла новое чувство вины. Было стыдно. Так и сбежала в последний день, надеясь, что сантехник проблему исправит.

Родителям не рассказала. Наверняка, сделают выговор, скажут, что поступила неправильно. Снова выслушивать? Лучше уж промолчу. Зачем лишний раз нарываться?

– Любая работа хороша! – пытается вразумить меня папа. – Это же деньги.

Им не очень нравится мое поспешное решение, но они не настаивают. Мне всего лишь четырнадцать и нет страха остаться без денег. Деньги всегда легко. И если их нет – надо пойти заработать.

– Учись. Образование важно. Будешь умной, возьмут на престижную работу, сделаешь карьеру.

– А Васька был в классе троечником, но все равно выбился в люди, у него есть машина, он стал бизнесменом.

Родители, стоп! Так что делать-то, чтобы жить потом лучше всех? Молча иронизирую.

Так не хочется думать о будущем! Тут музыкальную школу бросить бы, но никак не решусь. Столько денег родители вкладывают, в буквальном смысле отрывая из семейного бюджета копейки. Играю на пианино, хотя от инструмента тошнит. Познаю в полной мере ответственность за детские необдуманные «хотелки», учусь усидчивости, себя развиваю.

Нельзя не оправдать ожидания. Я должна быть прилеж-

ной, усидчивой. Школу надо закончить.

Маме нравится «Лунная соната» Бетховена? Только ее и люблю. И играю, играю, каждый раз радуясь отключению электричества в доме. Меня слышно у всех соседей, так весь подъезд развлекаю. Встретит кто-нибудь маму и скажет: «Ах, какая у вас умница-дочка». Тогда мама сразу поймёт, как она любит меня.

Из всех подружек Ира мне очень нравится. Она смелая, сильная, лучшая. У нее очень красивое личико, огромные глаза, правильной формы рот и маленький кукольный носик. Ира нравится всем мальчикам, девочкам. А еще у Иры выросла грудь. У меня еле-еле набухла, а у нее уже выпирает из лифчика.

Иногда мне кажется, что я, по сравнению с ней, гадкий утенок. На худую, с плохим зрением девочку с недостатком зубов никто не обращает внимания. Я всегда снимаю очки, прячу их, хоть и шурюсь. Зрение стало слабее, операции не помогли. Ни та первая, ни несколько после. Медицина, казалось, шагнула вперед, обеспечив веселье всем детям, чьи белки глаз после нескольких особых уколов наливались венозной кровью. Багрово-красных глаз пугались прохожие, родственники. Шокировать людей было весело.

А вот Ира – звезда! Не люблю, когда она обижается, мне важно быть для нее самой близкой. Теперь я Ире доверяю секреты, делюсь проблемами, рассказываю, когда скандалят дома родители. Я жалуюсь, Ира понимает, поддерживает.

Папа Иры ушел из семьи, оставив её и сестричку. Мама тоже постоянно ругается. То заставляет учиться, то не пускает на улицу. И пусть Ира живет далеко, мы встречаемся постоянно, находим время, постоянно болтаем. Я прихожу к ней во двор, чтобы выкроить хотя бы минутку. Проблемы нас сильно сближают.

– Мне сказала Женька, что у меня «черный глаз», – сетует горько Иришка, закуривая сигарету. – Представляешь, какой кошмар?

– Да что за глупости!

Я ее успокаиваю, не в силах признаться, что как только сама делюсь с ней чем-то приятным, всё приятное быстро заканчивается. Мир с родителями превращается в ссору, внимание мальчиков сменяется равнодушием, обещания других людей не выполняются. И не признаешься! Может обидеться, а потерять Иру – боюсь.

– Пойдем к тебе на «район», – предлагает она.

Тут без слов даже ясно, но уточняю:

– Хочешь увидеть Саната?

– Ну да.

И мы идем в верхний двор, потому что Ира там познакомилась с парнем. Он чуть старше нас, общается не с лучшей компанией. Иру это вообще не смущает, он ей чем-то понравился.

– Ты с ним целовалась вчера? – надеюсь на откровенность.

Мы все-таки очень близки. Вчера она с ним встречалась,

пока я гуляла одна. Иногда с нами гуляет и Лика, но предпочитаю Иру ни с кем не делить. Вдруг подружки станут теснее дружить и перестанут со мной общаться? И пусть Ангелика любит приврать, кто знает... Вдруг я останусь одна? Допустить такое нельзя, поэтому я всегда рядом, даже если приходится перед родителями ужом выворачиваться.

– Я тебе расскажу, – заговорщически объявляет подружка. – Только никому больше. Понятно?

Конечно, с удовольствием соглашаюсь на тайну, умирая от любопытства.

– Я стала женщиной.

– Что-о?

Вот это да! В пятнадцать? Так быстро? Но я так не смогу. Очень боюсь гнева родителей, поэтому давно приняла, что мой первый раз будет не раньше, чем в восемнадцать. Дальше прогулок по улице, поцелуев тайком фантазия сильно не скачет. Нельзя. Девушка должна быть целомудренной, правильной. Девственность очень ценится, важна порядочность, потому что если иначе, значит, ты – проститутка или шалава. А еще можно ребенка в подоле принести маме, вот уж где полный кошмар!

И тут такая новость! С восхищением смотрю на подружку. Бунтарка смелая и мамы совсем не боится! Ее жизнь не интересна отцу. Так говорит Ира, хотя папа присылает им деньги.

– А мама?

– Она не узнает.

Ира пожимает плечами.

– Как это случилось?

– Случайно. Мы были наедине. Сидели в каморке у Кости.

В каморке подвала мальчишки соорудили комнатку с небольшим старым диваном. Там мы слушали музыку, чтобы не мерзнуть на улице. В основном слушали рок: «Парк Горького», «Кино», «Наутилус».

Ира не слишком рвется рассказывать подробности свидания, ведет себя степенно, загадочно. Еще бы. Она теперь взрослая, ей известно то, до чего мне пока далеко.

Так уж выходит, что нет никого, кто мне бы понравился. А те, кому нравлюсь я, совсем не годятся. Стоит только услышать от подруги, что с ним что-то не так, весь флер очарования растворяется в ту же секунду. Мне очень важно, чтобы мои решения, выбор нравились моим подругам, родителям.

Дни идут, роман Иры не развивается. Мы все чаще гуляем вдвоем. То в верхнем дворе, то на бульваре сидим на лавочке, курим, обсуждая Саната, школу и дворовых пацанов. Ира ищет любую возможность, чтобы чаще бывать на «районе». Так больше шансов «случайно» встретить его.

– Ну, пойдем, прогуляемся через двор, – говорит она и тянет меня выше по улице.

– Зачем?

– Вдруг там ОН?

Покорно смиряюсь с желанием. Мы идем в верхний двор,

потому что Ира хочет встретиться с парнем. Потихоньку смеркается, все-таки осень. Родители заставляют раньше возвращаться домой. Не позже десяти – их условие, иначе домашний арест, наказание, ругань. Одним словом, ожидают проблемы.

Во дворе Иру ждет приятный сюрприз. Из компании Саната она встречает двоих.

– Привет, – здоровается с ними, – Саната не видели?

Парни переглядываются, внимательно смотрят на нас.

– Может, посмотришь в подвале? Если что, подождешь.

Там тепло.

Еще одно укромное место в необъятном доме, где собираются в холодное время компании. Только там не каморка, а целые катакомбы коридоров и комнат без дверей. С освещением там тоже проблемы. Местами темно, местами торчат провода, лампочки.

– Идем, поищем его! – просит Ира.

– Мне не нравится эта затея! Я не хочу.

Время близится к десяти, через пятнадцать-двадцать минут придется возвращаться домой.

– Да мы быстро. Идем.

– Не хочу я спускаться.

– Боишься?

– Мне пора домой.

– Мы быстро. Спустимся, поищем Саната.

Вздыхаю. Не хочется обидеть подружку.

– Только быстро!

Ира улыбается, идет по лестнице вниз. Мне не нравится внутреннее ощущение, но с ним ничего не поделать. Опасения подтверждаются, когда в просторной комнате вижу компанию из десяти человек. Они сидят в круге на корточках, в центре початая бутылка водки, пластиковые одноразовые стаканчики, дым сигарет и смех. Из соседнего помещения тянет травой. Значит, там кто-то накуривается.

Мне дискомфортно. Здравомоемся.

– Саната не видели? – спрашивает Ира.

– Нет. Должен скоро прийти.

– Тогда мы подождем, – принимает решение подруга.

Я одергиваю ее.

– Нам надо идти домой.

– Ладно, пятнадцать минут. Время же есть.

– Меня дома родители ждут, – говорю ей тихонько. – Будет плохо, если я задержусь.

– Да ладно, – утверждает Ира. – Все будет отлично.

– Выпьете с нами? – предлагают в компании.

Ира кивает, круг раздвигается, и подруга сидит уже там. Ей подсунули какой-то камень под попу, нашли чистый стаканчик, налили.

– Елия, иди к нам. Садись.

– Нет.

– Выпей с нами.

– Нет. Не хочу.

Не вижу ничего хорошего в том, чтобы прийти пьяной домой. Да и потом. Водка? Мне не нравится водка, другого здесь не наливают. И это прекрасно, что нет соблазна. Стою чуть в сторонке, наблюдаю за всеми и жду.

– Который час?

– Десять.

Чуть позже десять ноль пять. Все курят, о чем-то говорят, веселятся. Приходят новые лица, уходят. Каждая минута тянется медленно и в то же время летит. Десять десять. Десять пятнадцать. Саната нет.

– Мне надо домой.

– Подожди.

Ира чуть выпила, ей хорошо и тепло. Думает, что она в безопасности, а мне... Мне от происходящего плохо. Тем более, когда в помещении появляется не местный Матвей. Он старше всех пацанов, у него небольшой шрам на лице. Можно было бы назвать его симпатичным, но я реально боюсь. Веет от него какой-то опасной самоуверенностью. К нему прислушиваются и уважают. Почему? Неизвестно. Может, связан он с криминалом?

А еще, что хуже всего, я ему приглянулась. Мы виделись на улице раз и вот... незадача. Он появляется здесь. Его взгляд странно загорается, и мне хочется побыстрее сбежать. Матвей куда-то уходит, его отвлекли. Для меня это шанс.

– Ира. Идем домой, – говорю твердо.

Мне снова страшно. Нет сил больше терпеть.

– Ты видела, Санат пришел! Он пока занят. Давай еще чуть-чуть подождем.

Черт возьми, Ира! Почему ты не слышишь меня? Тебе все равно, что меня родители будут ругать? Меня могут побить, запретить на улицу выходить, урежут время для улицы. Мы не сможем встречаться, гулять. Мне скажут приходить еще раньше. В конце концов я боюсь Матвея, стараюсь его избегать, и ты об этом знаешь! Ты же моя подруга!

– Нет. Я ухожу, – твердо решаю, выхожу из каморки и слышу:

– Хорошо. Я скоро приду.

Иду по катакомбам на выход. Помещение, где сидит Ира, находится глубоко под домом. Это сделано специально, чтобы избежать встречи с милицией. Сердце глухо стучит, отзываясь пульсом в висках. Я спешу, очень спешу и в основном коридоре натыкаюсь на того, с кем видеться не хочу. Матвей ловит меня, оттесняет к стене. Хочется заорать, но я надеюсь, что всё обойдётся. Очень-очень надеюсь.

– А ты куда, Еля?

– Домой. Родители ждут. Надо.

– Рано же.

– Нет. Не рано. Меня скоро будут искать.

Губы Матвея изгибаются в легкой улыбке.

– Такая девочка. Ты не бойся меня.

Угу, как же, не бойся! Я в мрачном темном подвале. Время позднее, хоть заорись. Матвей приближается, одна его ру-

ка ложится на талию, другой он ведет по щеке. Приближается так, что его лицо совсем близко. Близорукость теперь не помеха. Вижу даже морщинки вокруг карих глаз, шрам. Сердце вдруг замирает.

– Ты сама ко мне придешь, Елия, – говорит он. – Сама. Я подожду.

А потом он как будто целует. Нет, целует, конечно. А в крови все бурлит. Я не хочу находиться рядом с ним, и в то же время... приятно? К счастью, остатки разума сохранились. Я вырываю момент и сбегая наверх. Сбегая, как можно быстрее, пока не остановил и не передумал.

Перевожу дыхание только на улице. Стемнело. В небе звезды и тучи. Возле подъезда ребята. Они курят, не спешат спускаться в подвал. Я отхожу от них чуть подальше. На всякий случай.

Пора домой... Пора домой... Пора домой... Молоточки стучат в голове. Десять двадцать пять. Где же Ира? Сколько еще ее ждать?

Переминаюсь с ноги на ногу. Поздно идти к родителям, говорить, что еще чуть-чуть погуляю. Загонят домой, не объяснить. Остаться здесь, однозначно усугублять наказание. Бросать Иру тоже нельзя. Ну почему же она не выходит?

– Вы не можете спуститься в подвал и сказать Ире, что я ее жду? – прошу одного из парней.

– Сходи сама и позови.

– Ну, пожалуйста! – прошу почти слезно.

Тогда он уходит. Часы неумолимо идут, отсчитывая время к одиннадцати. И вдруг он возвращается с Ирой. Внутри шквал радости, вздох облегчения.

– Ира! Наконец-то! Идем домой!

– Нет. Санат пришел. Давай чуть попозже.

Очень хочу утянуть ее за руку, но она не дается. Она хочет вернуться обратно.

– Слушай. Подожди пять минут. Сейчас с ним поговорю и приду.

Ира снова уходит. Конечно, ни через пять минут, ни через десять она не приходит. Почти одиннадцать на часах. Мне плохо, я чувствую себя в ловушке. Как вспомню скандалы, злость папы и мамы. И позвонить не могу.

Решение... Решение... Еще раз Иру позвать? На улице нет никого. В подвале Ира, Матвей, Санат. Что делать? Вдох-выдох.

И я медленно иду по улице вниз. Очень медленно спускаюсь по горке, в надежде услышать окрик за спиной: «Еля, стой!» Успокаиваю себя: раз Санат – ее парень, значит, он Иру проводит. Он, в принципе, ее парень, они были близки. Значит, с ней ничего не случится, он ее защитит. Я еще немного завидую. Вот ей мама разрешает гулять, приходит в одиннадцать и даже позже.

Возвращаюсь домой. На удивление родители смотрят какой-то фильм. Им нет дела до времени.

– Еля? Пришла?

– Да.

– Почему так поздно?

– Так получилось.

И тишина в ответ. Захожу в комнату, Димка спит. Сажусь на кровать, на душе очень плохо. Получается, я бросила Иру? Получается, могла еще погулять? Позвать её ещё раз, дожждаться? А выйти на улицу снова уже не получится. Родители теперь не отпустят.

Я поздно уснула, ночью плохо спала, все ждала утро. Как только проснулась, сразу звоню подруге. Телефонную трубку снимает мама Иришки.

– Здравствуйте. Иру можно?

– Это кто?

– Елия.

– Иру нельзя.

Раздаются гудки, тетя Даша бросила трубку. Стою с телефоном в коридоре, смотрю на себя в зеркало. Что-то случилось? Почему внутри разливается холод? Вроде бы нет причин, кроме одной. Я ее бросила там. Ира обиделась и теперь бросит меня, если я сейчас же не объяснюсь.

Как это сделать? Письмо! Хватаю бумажный листок, ручку, сажусь за стол. Душу рвет от чувства вины. В чем провинилась? Не знаю. Хотя нет. Мне известно. Немного сумбурно пишу.

«Моя милая Ирочка. Пишу тебе это письмо, потому что не могу с тобой встретиться. Не знаю, почему ты не хо-

чешь разговаривать со мной, не знаю, в чем провинилась. Да, я ушла вчера вечером, но ты должна понять. Меня часто ругают родители, если я не прихожу домой вовремя. Ведь я тебя звала, просила пойти со мной, долго тебя ждала возле подъезда. Ты сама отказалась. Я не знаю, что произошло, пока меня не было. Надеюсь, ничего страшного не случилось. Но ты должна знать, дороже тебя у меня нет никого. Не обижайся, пожалуйста. Твоя подруга. Елия».

Сразу после завтрака, чтобы не привлекать внимание мамы, бегу во двор Иры. Расстояние не помеха, вот и знакомый дом, этаж, квартира. Дверной звонок.

Дверь открывает тетя Даша, я протягиваю письмо.

– Это для Иры. Возьмете?

Бумажка уходит из рук, дверь закрывается. Все? Наверное, да. Нет других вариантов, кроме как возвращаться обратно. А на следующий день звонит друг. Статный, красивый парень, мы знакомы по английскому клубу, где вместе учили язык.

Равиль работает в органах, ему тоже нравится Ира. Я их давно познакомила, позвав как-то подругу с собой. Равиль нравится и мне, но насильно милой не будешь. И всё же звонок интригует.

– Еля, привет, – он серьезен. – Можем встретиться? Надо поговорить.

– Конечно!

Не иду, бегу, встречаюсь с Равилем. Спустя несколько ми-

нут выясняется, что речь пойдёт о подруге. Что же у Иры случилось?

– Ты мне должна все рассказать, – с ходу заявляет он.

– О чем?

– Обо всем, что было в тот вечер.

– А что случилось?

Правда! Что происходит? Я вся извелась за эти дни от неизвестности и полной неопределённости с Ирой. Уже не знаю, что обо всём думать, как быть. И наконец получаю ответ:

– Иру изнасиловали в ту ночь.

– Что? Кто?

Сказать, что я в шоке, значит, ничего не сказать.

– Боже! Где это произошло?

– В подвале. Ты ушла, ее отвели в соседнюю комнату, там все случилось.

– Но... Я...

Кручу головой, не в силах принять страшную новость. На глазах появляются слезы. Что же? Выходит я во всём виновата? Не забрала её с собой, не настояла, не позвонила её маме, чтобы спасти?

– Я читал твою бумажульку, – продолжает Равиль. – Письмо не отдам.

Это позже я узнала, что меня не привлекли по уголовной статье за соучастие только благодаря этой бумажке. Меня даже не приглашали на следствие. Вызвали раз. Спрашивали,

выпивала ли Ира. Я помнила, что пила, но сторона обвинения настаивала, что девушка отказалась от водки.

Нечаянная встреча с одним из парней на «районе» еще немного пролила свет на событие. Те, кого привлекли, жутко злились на Иру, грозились ей отомстить. Вся компания того вечера твердила, что на все Ира согласилась сама, протестов не было, с ней был Санат, никто ничего там не слышал. Матвей сбежал, ещё двоих задержали.

Больше я ничего не узнала, да и не вдавалась в анализ. Просто винила себя. Я потеряла подругу, предала, бросила одну в том подвале.

– Ты ей не нянька! – вмешалась мама. – У каждого своя голова. Она сама решила остаться. Что ты могла ещё сделать?

От четкого уверенного заявления стало на минуточку легче. Может, мама права? Ее слова позволили продолжить учебу, общаться с подругами, жить. Только внутри засел червь. Он подгрызал и точил, и ждал часа, когда мы с Ирой встретимся снова. Родители ее увезли.

Глава 3. О родительских амбициях, мести и снова о чувстве вины

Говорят, время лечит. Но каждый, кто говорит это, врет. Со временем лишь блекнет острота воспоминаний, загоняемых глубже в душу. Как будто все забывается, но это видимое. Фарс. Пока проблема не решена, она всегда будет рядом, незримо проявляя себя в отношениях, в жизни, в поступках, как привидение появляться, влиять на эмоции, чувства и выбор.

Поиск оправданий себе, медленно, но верно превращается в чувство вины. Отрава льется в мысли, мешает радоваться каждому дню. Нет больше уверенности, нет доверия к словам родителей. Начинается внутри диалог.

У каждого своя голова на плечах. Но почему тогда на сердце тоска?

Предала или нет? Правильно поступила, когда ушла, или нет? Я же подруга.

Могла поступить иначе? Могла. Подумаешь, был бы скандал?

Почему не осталась? Ведь родители все равно не ругались. Надо было позвонить Ириной маме, рассказать, где ее дочь.

Ха-ха-ха! Смеется внутри часть меня. Если бы ничего не

случилось, представляю, что сказала бы Ира! Да она бы послала меня и обвинила в предательстве. Она просила, чтобы я хранила секреты и ее маме ничего не рассказывала.

Может, надо было снова выйти на улицу? Придумать хоть что-нибудь! А если бы родители не разрешили, вышла бы наперекор. Угу... А потом осталась в подъезде ночевать возле двери или мне вlepили бы по полной. Они же на это способны... Разве нет? Предупреждали ведь. Грозили...

Нескончаемый диалог, прерываемый буднями в школе, потихоньку сходит на нет. Может, даже и хорошо, что Ира уехала. С глаз долой, из сердца вон, всем так будет спокойнее. Хочу верить, что у подруги наладится жизнь, она забудет плохое.

Последний школьный год идет своим чередом. Первая четверть, вторая. Сюрприз поджидал меня позже – Ира вернулась в наш класс. Я увидела ее впервые с того злосчастливого вечера, внутри все оцепенело на миг, чувства застыли льдом и рассыпались на мельчайшие льдинки страха под давлением всё той же вины.

Что теперь меня ждет?

Что, если она расскажет всем, что я предательница и во всем виновата? Не сейчас, так чуть позже. Это ведь её изнасиловали. И тогда... Тогда все от меня отвернутся. Стану настоящим изгоем. И Катя, и Маруся, да все перестанут со мной дружить.

Как же страшно остаться одной и превратиться в «урод-

ку». Вряд ли я смогу объясниться и доказать свою правоту. Диалог правильности поступка вернулся, и чаша весов склонилась в сторону Иры. Я – предательница, и это факт. Ира была моей лучшей и близкой подругой, она единственная любила меня. Понимала и доверяла. А я? Что сделала я?

Поступила неправильно, бросила ее, теперь должна объясниться. Попросить прощения, вернуть подругу, ее одобрение и как можно быстрее. От этого зависит многое, если не все.

Пустые попытки поймать ее взгляд, угадать, что у нее в голове. Обижается? Злится? Понимает ли, что у меня даже в мыслях не было ее предавать?

Урок течет как в тумане. Не слышу учителя и жду перемены, она расставит все точки над «i». Звонок. Не теряя времени, спешу с одноклассниками приветствовать Иру.

– Где ты была?

– Куда пропала?

Смех, удивление, море внимания, Ире приятно. Она купается во всеобщей любви.

– Привет, – говорю ей и слышу:

– Привет.

Чуть-чуть натянуто, без злости, но сухо. Ее интонация почему-то сильнее разжигает вину, хочется убедить Иру в своей любви. Хочется быть снова лучшей, правильной, получить ее одобрение. Хочется, чтобы она поняла и приняла мою сторону. Только жаль, время вспять не повернуть.

– Мы можем поговорить?

– Да, – соглашается она, пожимая плечами. – Но попозже.

Мы поговорили гораздо позже, чем в этот день. Нам мешал слишком строгий контроль. Ире приходилось незамедлительно возвращаться после школы домой. За ней приходили родители. То мама, то папа.

Но в один из дней нас отпускают пораньше, и мы, наконец, говорим:

– Если бы я знала, что так получится, никогда не ушла. Я бы вернулась, вытащила тебя, забрала.

Губы Иры дрожат, от эмоций на ее лице мне хочется плакать.

– Поверь. Я не могла иначе. Родители. Они бы убили меня.

Мне становится искренне жаль, что в тот вечер меня не наказали родители. Могли бы наорать, дать ремня, запретить гулять с подругами, выставить в подъезд до утра... С Ирой было бы гораздо легче общаться, быть с ней на равных. Почти. Но наказания не было.

– Я тебя не виню.

– Правда?

– Да.

Не верю ушам, глазам, разговору. Неужели такое возможно?

– И все же... Прости меня.

– Да все нормально.

– Простила?

– Да-да.

– Я тебя больше никогда не оставлю.

– Угу. Будешь думать.

Я счастлива, все не так плохо, но внутри почему-то осадок. То ли потому что Ира не слишком весела и открыта, то ли потому что в глубине души я не чувствую себя виноватой, но вынуждена это скрывать, добиваться ее дружбы, прощения. Или всё-таки я виновата?

При этом боюсь унизиться в глазах одноклассников. Правильные, настоящие подруги и в огонь, и в воду идут друг за друга горой, а я, получается, не умею дружить. Плохая подруга. Предательница.

Уж молчу о сочувствии. Мне очень жаль, что с ней так обошлись. Хотя... Там же, в глубине души что-то подсказывает: «Она сама во всем виновата». Но я забиваю на внутренний голос и надеюсь на милость подруги. Верю, она понимает, что у каждого должна быть своя голова на плечах.

И все же вернуть душевную близость не вышло. Мы общались в школе, снова гуляли на улице, родительский контроль над Ирой постепенно сошел на нет. Но не только меня внутри грызло. Перепады настроения, беспричинная злоба и недовольство Иры сменялись приятным общением. В эти дни она так же, как раньше ценила и любила меня.

Новая компания, новые друзья, все то же мужское внимание, неуверенные попытки Иры завести отношения и очередные провалы. Мешала травма, я пыталась ее поддержать.

Делать вид, что ничего полгода назад не случилось, получалось все хуже и хуже, пока в один из вечеров Ира не психанула с надрывом:

– Ты виновата во всем! Ты! Дрянь! Я тебя ненавижу!

Ее слова в меня впечатывались словно клеймо. Одноклассница Настя, ее брат, которому нравилась Ира, другие ребята – невольные свидетели ссоры и ее кульминации. Ира пылала в бешенстве. Иначе не назовешь. Из-за какой-то ерунды я ушла из подвальной каморки с позором, не в силах ей возразить. Не захотела оправдываться, что-то всем объяснять. Да и что я могла объяснить? Это её изнасиловали! Я была её подругой. И подтвердила сомнения: конечно, Ира права и простить меня не сумела. Я – предательница, месть заслужила. А всё вокруг – наказание.

– Уходи! – рычала вслед Ира. – Вон отсюда! Пошла вон! Тоже мне, подруга! Ты ей никогда не была!

Слезы обиды, жалости к себе и долгая дорога домой. Потом стало легче. Страшное все же случилось. Дружба разрушена, все узнали, какая я дрянь. Случилось и... ничего не случилось. Жизнь шла своим чередом.

В состоянии холодной войны и отрешенности наступил и прошел выпускной. Было скучно, немного грустно. В ту ночь родители подарили мне кольцо с крупным розовым камнем, громоздкое, как награду за исполненный долг. Золотое украшение я приняла с улыбкой и благодарностью. Не хотелось расстраивать маму. Они старались меня порадовать, но, ес-

ли честно, я бы и без него обошлась. Им всегда не хватает денег, ну продали бы украшения.

***

Планы сменились, надо поступать в институт. Высшее образование – важно. Родители знают, как лучше. Все чаще ими задавались вопросы: кем хочу быть, где работать.

Еще в шестом классе я хотела быть ветеринаром. Лечить животных, заботиться о них, работать на ипподроме и, пользуясь связями, ездить верхом. Я тогда бредила лошадьми. Для меня они стали символом красоты и свободы.

– Коровам хвосты будешь крутить? – подшутила надо мной мама. – Ну-ну. Давай.

Желание получить одобрение родителей, нравиться им оказалось сильнее. Эта специальность отпала сама собой.

– Медицинский?

– Да ну. Семь лет учиться, потом столько же получать профессию.

И этот вариант отправился в «топку».

– Вот бы стать тебе дипломатом! Выучить английский язык, уехать работать в другую страну, – мечтательно говорит мама.

Мы проходим мимо Ин-Яза. Красно-розовое солидное здание оценивающе осматривается на предмет дальнейшей учебы. Институт иностранных языков – по умолчанию мечта и престиж, и открытая дверь за границы.

– Профессия солидная, платят всегда хорошо.

Стать дипломатом или его переводчицей? А что если мне повезет, и я смогу «вживую» увидеть Америку? Там я снова увижу Майка, а он поймет, что так и не смог забыть все эти годы меня.

С привлекательным рослым американцем я познакомилась в клубе. Он преподавал, я была его ученицей. Разница в восемь лет не помешала мне влюбиться, заметить, как нравлюсь ему.

Десять дней в горах в доме отдыха вместе с группой таких же учеников, целое лето общения и желание Его понять совершили почти невозможное. Я заговорила на английском довольно бегло, запомнила множество слов. Но сказка закончилась, и Майк улетел домой к своей далекой любимой. Мне же достались несколько фотографий на память, разбитое сердце и стабильная «пятёрка» на уроках английского в школе.

– Год обучения на данной специальности будет стоить две с половиной тысячи баксов.

Озвученная сумма слышится как приговор. Этих денег родителям ни в жизнь не заработать. Катастрофически дорого учиться четыре года. Сожаление в маминых глазах, чувство вины за неспособность дать мне лучшее будущее и надежда, что если они поднатужатся и, может быть, справятся с трудностями, заставляют сказать:

– Нет. Не хочу. Не надо. Может быть, на другую специальность? Потом можно перевестись.

Но даже семьсот долларов в год, чтобы стать преподавателем языка, сумма слишком огромная.

– Конкурс большой, на грант попасть сложно.

– Скорее, невозможно, – скептически добавляю и пожимаю плечами. – Ну... Тогда я еще подумаю, куда и как поступать.

Передо мной основная задача – получить бесплатное образование, чтобы не причинить новое неудобство родителям. Достаточно музыкальной школы и того, что они одевают и кормят меня. Получить место студентки возможно, если подать документы в непопулярный ВУЗ. Менее сложный конкурс увеличит шансы попасть на грант.

– Буду поступать в политех, – на очередной прогулке объявляет Марина. – Там конкурс маленький. Всего три человека на место.

Моя новая подруга. Умна, учится на «отлично» в лицее и на удивление понимает меня. Красива, не терпит плохие компании, не курит и не выпивает. Не матерится, ведет себя спокойно, уверенно. Еще я ей рассказала об Ире, и неожиданная поддержка Марины вдохнула в меня новую жизнь. И пусть общаться с ней я начала из-за Дениса, мне хотелось лучше понять, чем ОНА его привлекает, знакомством осталась довольна. Оказалось, что со мной вполне можно дружить. Не такая уж я и предательница.

– Кем хочешь стать?

– Экономистом.

Хм... елки! Как скучно! Нужно знать алгебру, физику, хи-

мию. Все предметы там будут техническими, а у меня с ними от слова «никак». Я закончила гуманитарный гимназический класс, все эти годы читала, читала. Сплошная литература, английский, история. И вдруг... Елия – экономист? Где я, а где политех?

– Я тоже туда пойду!

Принимаю решение, потому что есть вероятность «бесплатно». Зато будет не скучно! Как-нибудь справлюсь, особенно, если поступлю вместе с новой подружкой.

– У тебя есть тесты на подготовку?

– Не-а.

– Тебе дать?

– Ну, конечно!

И полетели новые дни. Неделя, вторая, тестирование, волнительное для всех ожидание. Мы идем с Мариной по улице, а внутри все потихоньку «дрожит». Получилось ли поступить? Каковы результаты? А вдруг не найду себя в списках?

В холле политехнического висят обширные списки. Огромная толпа будущих студентов шумят, галдят. Жарко здесь, почти душно, а я ищу фамилию и... не нахожу. Пробегаю глазами по листу, по второму, третьему. И еще один раз. Ни-че-го. Неужели не поступила? Настроение медленно портится, пока не слышу довольное:

– Я нашла! – ликует Маринка. – И тебя, Елька, тоже нашла!

Да ладно? Где? Не верю ушам и глазам. Как же я пропу-

стила?

Радость взрывается эйфорией, когда на отдельном листочке, висящем в нижнем углу, в списке числится Ренес. Я поступила на грант! Значит, буду учиться бесплатно, в одной группе с Мариной, а родители как будут довольны! Я сумела! Смогла!

Эту радость мы отмечали прогулкой и строили грандиозные планы. Скоро лето закончится, начнется новая жизнь. Институт рядом с домом, на занятия ходить пешком. Да, придется рано вставать, но не так рано, как в школу. И специальность хорошая. Близка к престижной, всего чуть переучиться!

Первый день – сразу три пары. Присматриваюсь к людям, слушаю преподавателей. На лекциях повторение школьной программы, интереснее всего семинар. Там будет группа, мы наконец познакомимся.

В кабинете шум, гвалт. Через пару минут выясняется, что кроме нас, семинар и для «платников». Мимолетный взгляд, брошенный на дверь, замирает. Ира? Что она-то делает здесь? Не было других институтов?

Распирает досада. Вот за что? Только забылось все и, пожалуйста, нарисовалась. Надеялась больше не встретиться с ней, но нет. Как бы не так! Город – консервная банка, а люди в ней просто селедки.

Снова с Ирой учиться? Вот за что мне все? Чего бы Ира не коснулась, включался злой рок. В моей жизни портилось все.

Например, тот же клуб. Надумала же ее пригласить! Традиционно летом мы уехали в лагерь, расположенный в высокогорье. И что? Даже там с ее подачи случился пьяный дебош. К Ире приехали знакомые ребята, узнав ранее, где мы отдыхаем. Пришлось их развлекать, вместо дружеских посиделок и песен возле костра. Ухажеры подруги перебрали спиртного и не уехали в город. Было стыдно, безумно стыдно смотреть в глаза американцам-кураторам, когда начались выяснения, кто эта пьянь и откуда.

Потом чертов подвал, изнасилование, якобы дружба, новая ссора и позорный уход.

Нет. Дружить с Ирой не буду, но признаться пришлось: я все еще скучаю по времени, когда могла свободно излить ей проблемы. С Мариной, увы, не выходит. Не все она понимает, не так с ней легко, как казалось.

И все же Ира ко мне подошла. Это случилось чуть позже, когда сокурсники разбились на группы. По инерции мне нравилось там, где дружно пропусkali занятия, все курили и чуть-чуть выпивали.

Да. Примерная девочка перестала существовать еще в школе. Первый повод для гордости, первый настоящий протест. Одиннадцатый класс, систематические прогулы уроков, сигареты, вино. Подружки, мальчишки, обсуждение всех тягот жизни были интереснее, чем физика и геометрия. Отца даже вызвали в школу. Я ждала его возле забора, сидя на лавке. Думала, дома уьдет, а он вышел и улыбнулся.

Отец меня удивил. Мы молча шли несколько долгих минут, пока я боролась со страхом. И все же решилась спросить:

– Ты меня накажешь ремнем?

– Ты уже выросла, – ответил он, улыбаясь. – Сама знаешь, что делать. Я тоже был таким, да и бить уже поздно.

От его шутки и я улыбнулась. Криво, с натягом. Почему-то радости не было, может быть, чуть-чуть полегчало.

Неужели, свободна? Я стала взрослой? То-то мама не возражала, когда я просила разрешения на новую стрижку. В очередной раз почти умоляла, не надеясь на милость.

– Делай что хочешь... – с сожалением сказала она. – Все равно уже той длины нет.

С каким счастьем я отправилась к мастеру, чтобы скинуть ненавистные косы. Толстые, две, толщиной с мой кулак. Была уверена, что модное карэ сделает меня симпатичней.

И, конечно, все изменилось. Слепая, с кривыми зубами, я стала еще и лохматой. Слишком легкие волосы не поддавались укладке. Но ужасный результат меня не смутил. Я радовалась словно ребенок – ведь я получила свободу!

Взрослая жизнь продолжается. Поступление на бесплатное отделение, приятная чудесная новость о присвоении институту нового статуса университета, будущая степень магистра усилили мою независимость. Родители радуются, смотрят на меня с восхищением. Что им надо еще? Теперь я точно могу гулять и делать все, что захочется.

Сейчас октябрь. На бульваре тепло и красиво. Земля, тротуар усыпаны красным и желтым, в воздухе остатки жары. Солнце еще высоко, но оно не печет так, как летом. В общем, погода что надо! Я прогуливаю очередной семинар. Институт рядом, всегда можно вернуться на пары.

Компания веселая, новые рассказы и шутки. Но на этот раз Ира пришла. Слово за слово, сигарета. Еще. В какой момент бывшая подруга встала возле меня? Я смотрю на нее, злости нет, обида тоже ушла. Внутри шевелится страх.

Что если Ира и здесь расскажет о нас? О подвале, предательстве, позорном бегстве? Дурочка... Не смогла себя отстоять. Теперь слишком поздно, прошлого никак не вернуть. Рядом новые люди. Будут ли они разбираться кто прав, а кто виноват? Испортить все так легко, мне здесь еще учиться.

В каком настроении Ира? Успокоилась? Готова ли сохранять холодный нейтралитет или хочет «ударить»?

– Как дела? – начинаю непростой разговор.

– Нормально.

– Ты на платное сама поступила?

– Отец устроил.

– Понятно.

Молчу. Не могу подобрать нужных слов. Может быть, попросить ее держаться друг от друга подальше? Но зачем первой будоражить проблему? В глубине души надеюсь, что Ира все забыла и, отомстив, успокоилась.

– Знаешь, Елька, – задумчиво произносит она. – Мне

жаль, что так вышло у нас. Я погорячилась. У Насти.

Еле скрываю усмешку, с надеждой цепляясь за перемирие. Буду хитрее. Мы снова в одной компании, значит, будем «дружить». Невыгодно с ней ссориться, в «дружке» она будет молчать.

– Прошое забудем?

– Прошое? ... Давай.

Внутри становится тепло от осознания, что страхи беспочвенны. Можно наконец-то расслабиться и больше не мучиться. Главное, от Иры держаться подальше и быть с ней осторожнее.

Если бы я сдержала данное себе обещание...

Прошое незримо схватило и потянуло в водоворот будущих случайных событий. Как-то слишком быстро вспомнились душевные разговоры, приятные минуты общения, шутки, проблемы. С Ирой мы подружились. Опять.

Дни неспешно текут, осень в самом разгаре. В холле перед дверями лекционного зала решается важный вопрос:

– Предлагаю не ходить на вышмат!

Предложение сокурсницы Лерки всем нравится. Нет, конечно, не всем, а лишь той компании, с кем мне интересно общаться. Прогрессивные взгляды, свободное отношение к жизни, отсутствие страха не сдать экзамены – наша общая отличительная черта. В эту группу не входит Марина, как и остальные отличницы. Я-то знаю, что над подружкой строгий контроль отца, поэтому ее понимаю, но на лекциях с ней

не сию. Попрошу конспекты попозже.

– Деньги есть?

– Немного.

– И у меня.

Скидываемся в общую кассу. Суммы хватит на сигареты, вино. Портвейн в тетрапакетах сойдет, если не думать, что это дешевое пойло. Всё лучше, чем ничего. Денег нет – выбирать не приходится. Портвейн бьет в голову, как другой алкоголь, веселит, вроде не противный на вкус. С этой мыслью соглашаюсь на пьянку.

Мы уходим в один из тихих закрытых дворов, чтобы там насладиться общением. Распиваем пакет, другой, на пары возвращаться не хочется.

– Скоро начнется история, – говорит Варя. – Светка, идешь?

Бурное обсуждение. Смотрю на Иру, ловлю ее взгляд. Единогласно! Продолжаем гулять. После недолгих уговоров теряется часть нашей компании. Пьяные девчонки уходят на пары с обещанием скоро вернуться.

Во дворике мы остались втроем. Ира, Лерка и я. Текут разговоры про жизнь. Второй пакет допит, в голове ощутимо плывет. Когда я так успела «наклюкаться»?

– Сигареты есть?

– Нет.

– Надо купить.

– Посиди, Елька, с сумками, – говорит Ира, – мы пойдем,

быстроходим в ларек.

Сажу, жду. От голода немного тошнит, перед глазами сильнее все крутится. Минутная стрелка движается поразительно медленно, девчонок нет десять минут, двадцать, тридцать. Хочу домой, мне не нравится сидеть пьяной на сумках, сторожить их одной, не в силах ничего контролировать. Ни в кусты отойти, ни уснуть.

Вот куда они делись? Что делать? Решение показалось спасительным. Я живу в пяти минутах отсюда. Ира знает дом, квартиру, этаж. Девчонки обязательно догадаются, где меня надо искать. Бросать чужие вещи во дворе точно нельзя. Там учебники, могут быть документы. Украдут, начнутся проблемы.

Поднимаюсь с камня, хватаю сумки, «ползу». Выход со двора, ларьки, подружек там нет. Перекресток, который приходится переходить со всей осторожностью. Зеленый свет светофора. Солнце кажется жарким и душным. Родной двор, подъезд, четвертый этаж. С трудом открываю замки, аккуратно проникаю в квартиру.

– Ма! Я дома!

Бросив маме приветствие, я бегу в туалет, а оттуда направляюсь к себе. Закрываю плотнее дверь, пусть мама думает, что я сильно устала. Хорошо, что Димка еще в школе. Ложусь на кровать, нужно срочно проспать. Закрываю глаза – карусель. Отвратительно...

Через час или два будит мама:

– Еля, к тебе Ира пришла. Будет ждать тебя возле подъезда.

Стараюсь себя не выдать, мне уже лучше. Беру сумки, спускаюсь по лестнице. На пролете стоят девчонки с беспокойством в глазах.

– Наши сумки у тебя?

– Да. Конечно.

Разве не видно? Вроде радоваться должны, почему недовольны?

– Надо было оставить сумки там. На фига ты их забрала?

– А вдруг бы украли?

– Давай сюда.

– Вас долго не было.

– Мы искали тебя в универе. Бегали там везде, чуть не спалились.

– Мы же решили, что на пары не пойдем! Зачем мне в универ возвращаться? Логика где?

– Нам пора, – бросает Ира, и девчонки уходят. Торопятся.

Возвращаюсь в квартиру. Ведь хотела как лучше! Непонятная злость. Известно, как умеют ругаться родители, если я что-то теряю. Шарф ли, зонтик ли, деньги. Без разницы что.

«Раззява!»

«Рассеянная!»

«Вечно варежку раскроет и думает непонятно о чем!»

Сплошное разочарование... Нет. О разочаровании они не

говорили, но оно читалось в глазах. От догадок хотелось провалиться сквозь землю, грызло жуткое чувство досады. Приходилось лучше учиться, чтобы загладить проблему. Хоть как-то искупить вину. И это всегда получалось. Успехи приносили плоды, становились поводом для родительской гордости.

Я забрала сумки и уверена, что сделала правильно. Только вот... Неприятно внутри. Девчонки как будто обиделись. Получается, я опять виновата, снова где-то ошиблась? Значит, поступила неправильно?

Жду следующего дня больше, чем все остальное, с утра бегу в универ. Иры нет, девчонки вроде бы нормально общаются. Идут лекции, семинары, приходится много писать. Конспекты рано или поздно понадобятся, поэтому занимаюсь. Поработать тоже надо и, в конце концов, отвлекаюсь. Может, и хорошо, что Иры нет и в нашей группе затишье.

Так проходит несколько дней. Пока не появляется Ира, а вместе с ней и Панина Лерка, Варька и Алия. Впереди лекции по истории, повторение школьной программы. Та еще скукота! Девчонки, слышу, между собой обсуждают, что пора устроить внеплановый отдых. А мне на этот раз сбегать с пар особо не хочется. Программу надо наверстывать и пьяной быть не очень нравится. От алкоголя сплошные проблемы. Снова водка, портвейн? Чувствую, что деградирую.

На последней перемене стоим с девчонками в общем кругу. Идет активный опрос, доходит и до меня:

– Пойдешь с нами?

– Не знаю...

Я, правда, не знаю. Обвожу взглядом компанию. Уйти хотят человек десять из группы – практически половина. А я что? Останусь с Мариной и второй половиной «отличниц»? На них и так постоянно косятся. Да и они не общительны. Вариантов нет. Чтобы поддерживать отношения, нужно нравиться и соответствовать. Быть как все. Киваю.

– Да, конечно, идем. А куда?

Как выясняется, в те же дворы за институтом. Удобное место для всех. От автобусных остановок недалеко и от любопытных глаз все закрыто. На месте в ход идут водка, сигареты, вино.

– Еля, на! – говорит Лерка и протягивает стаканчик из пластика.

– Да что-то сегодня не хочется.

– Да на! Бери, пей!

Она настойчиво толкает мне водку. Голубые глаза уже соловлеют, губы тянутся в пьяной улыбке. Лерка грубовата, настойчива. Крупная, сильная, наглая. Не очень ее люблю. И вместе с ней две подружки. Варька и Алия. Но Алия не пьет, впрочем, ее не трогают.

– Бери! – тон меняется на угрожающий. – Ты меня, вообще, уважаешь?

Лера начинает давить. Ее громкий голос притягивает внимание, поэтому подчиняюсь. Не хочу смешков, обвинений в

слабости. Беру стаканчик, делаю вид, что пью. Водка воняет так, что напрочь отбивает желание. Уже жалею, что здесь стою. Лучше бы осталась на парах.

Девчонки ржут, что-то обсуждают, ощущение, что я в пьяной конюшне. Мне скучно. Поглядываю мельком на часы. В общем-то, пора уходить и в будущем прекращать эти пьянки. Аккуратно выливаю водку так, чтобы никто ничего не увидел, и убираю стаканчик.

– Мне пора, – говорю одной, другой, третьей. – Надо домой. Пары кончились.

– А куда это ты собралась?

Панина Лера и Ира как-то вдруг оказались рядом. От пьяных ухмылок обеих внутри все замирает. Что-то не так. Определенно не так.

– Свалить собралась? – недовольно спрашивает Ира. – Опять? Как всегда?

– Не поняла...

– А чего тебе еще непонятно? – Лерка теснит меня в круг. – Давай, расскажи, какая у тебя есть привычка.

Назревает конфликт. В душе разрастается чувство, что эта разборка ни к чему хорошему не приведет. Смотрю на Леру. За ее спиной стоит Ира и следит за мной с легкой усмешкой. Говорить не торопится. Вокруг девчонки. Все за нами следят с интересом.

– Ты зачем в тот день ушла, да еще с нашими сумками? – продолжается наезд. – Сбежала так же, как и в тот раз, бро-

сив Иру. Знаешь, что за это бывает?

Молчу. Нет смысла что-то говорить в оправдание. В голове бьется мысль, что я зря явилась сюда. Пьяных агрессивных людей любые действия в ответ раззадорят. Прекрасно знаю, как скандалят родители, когда напивается папа. Пытаюсь отступить назад, но круг из девчонок мешает.

– За это бьют, – продолжает Лерка. – Больно бьют.

Все леденеет.

– Не надо, Лер, – предлагаю все разрешить миром.

Сокурсница улыбается пьяно, быстро подходит и бьет меня прямо в живот. Кулак мажет не слишком больно, куда-то в область желудка. Ниже солнечного сплетения и все равно разливается боль.

– Чтобы знала, что подруг не бросают! – назидательно поучает меня.

Сгибаюсь пополам. Только бы не била в лицо. Защищаться есть смысл? Справлюсь с такой? Она весит больше меня раза в два. Может быть хуже, если начнет бить по почкам.

– Прекрати! – прошу ее в надежде на чудо.

– Да? – пьяный наглый смешок. – Тогда вставай на колени!

Проси прощения! Быстро! Проси прощенья у Иры.

Нет желания, времени смотреть по сторонам. Понимаю, что меня унижают. Унизительно горько находиться в этом круге одной. Поддержки нет и не будет?

– Да ладно, прекращайте, – кто-то пытается вступить. – Поехали по домам.

С благодарностью выдыхаю, но мир успел сузиться до Ирки, Лерки и омерзительного чувства досады. Реально ли им все объяснить?

– Да. Сейчас поедem, – цинично отвечает Лера. – Как только с этой разберемся.

Девочки не дерутся, так всегда говорили родители.

А что если меня изобьют? Снова боль. Будет больно. А травмы? Что если они меры не знают? Что если начну отвечать, а Паниной девчонки помогут? Ясно же, что виновата. Вон... Лерка подтверждает, и другие на меня смотрят с укором. Ничего им уже не докажешь.

Внутри болит. Мысли бьют разрядами молний. Наступаю себе на горло и медленно опускаюсь на землю.

– Прости меня, Ира, – выдавливаю с трудом, на глазах появляются слезы. – Я не хотела. Ты знаешь...

Самодовольный взгляд превосходства. У Иры. Такой же у Паниной.

– Ладно, – снисходительно она говорит. – Можешь валить.

Эмоции, боль застилают глаза, разум неадекватен. Мне просто плохо, как может быть плохо, когда втоптали в грязь, ничего не оставив от гордости. Чувствую себя тряпкой. Впрочем, я тряпка и есть. Даже подражаться не смогла, выставила себя на посмешище. Ухожу не оглядываясь, за спиной слышу редкие смешки. Больше они мне не подруги. Никто из них. Никогда. Их слова, чтобы не возвращалась и не сме- ла с ними гулять, не имеют никакого значения.

Глава 4. Первая «любовь», или зависимость. Как посмотреть

Удивительно иногда наблюдать, как обстоятельства меняют все в жизни. Еще неделю назад я пила водку, курила, прогуливала занятия, надеясь «на авось» сдать зачеты. Сегодня сижу на парах и старательно готовлюсь к предметам. Курить курю, но почти ни с кем не общаюсь, с неприязнью и страхом слежу за девчонками, с которыми вышел конфликт.

Если они начнут травлю, может стать совсем худо. Но мне везет, и я для них словно исчезла. Не в счет пара встреч, когда мы с Паниной столкнулись в крайне узких дверях кабинета для лабораторных работ. На короткие смешки Леры не реагирую. Слабачка я, да, но она сама хороша! Подпала под влияние Иры, будто нет своей головы на плечах. Не разобралась, не захотела быть объективной.

Побитая во всех смыслах, я возвращаюсь к Марине. Она за первой партой одна. В начале года мы с ней выбрали место, потом я пересела подальше. Решение, как последний штрих, сжигающий за прошлым мосты:

– Можно сесть с тобой на семинаре?

– Садись, – отвечает она и спрашивает с легкой усмешкой: – Нагулялась?

– Да уж...

Знала бы я, во что выльются эти гуляния. Рассказываю ей, как снова стала жертвой собственной глупой наивности. Поверила Ире в очередной раз, закономерно получив ее новый коварный удар.

– Не обращай на них внимание, – поддержала подруга. – И про Ирку забудь. Учится плохо, гуляет, пьет. Экзамены точно не сдаст.

– Экзамены... Точно!

Опять чувствую себя виноватой, надо просить, в очередной раз признаваясь в собственной слабости.

– Дашь мне конспекты по химии, истории, физике? У меня есть пробелы.

– Дам, но вечером вернешь мне тетради.

Вернуть вечером? Вообще не проблема. Прогуляюсь до соседнего двора, может, еще поболтаем. Может быть, встречу кого-нибудь и получится на час, другой задержаться.

Не люблю сидеть дома с родителями. Слишком уж часто скандалят. В какой момент поссорятся? Тоже не знаю. С завидной регулярностью то утром перед работой, то вечером у них начинаются выяснения отношений. То папа выпивает, то маму достает, по любому поводу придирается.

Мама терпит, потом отвечает, а иногда ругаться начинает она. Тоже вечно всем недовольна. То ей грязно в квартире, то хочет ремонт. То мы опять надоели, то не знает, чем нас накормить. Денег мало, устала, у других жизнь гораздо лучше. То наш папа – козел, то глупая дура – она. То кричит, то

ворчит, и папа, конечно, взрывается.

Он работает как вол, не гнушается любой работы. Берётся за все, чтобы принести деньги в дом, но денег всегда недостаточно. Маме их не хватает. Из-за упрёков он на неё обижается, считая несправедливой.

Потому, чем чаще я вне дома, тем лучше. Иначе начинаю влезать. В конечном счете, все орут друг на друга, я маму всегда защищаю, но и папа мне тоже родной.

Перед глазами до сих пор сцена с кровью. В тот вечер отец перебрал. С деньгами всегда было плохо, а в тот год труднее пришлось. Отца сократили, он где-то пытался батрачить, и мама потеряла работу. Денег сильно впритык, детский сад, музыкальная школа, больные уши братишки, врачи, пустые полки в магазинах, на рынках все дорого.

– Ты ни на что не способен! – подняла мама скандал. – Дома жрать нечего, ты снова за водку?

– Таечка, да перестань!

Отец плывет в пьяной улыбке.

– Ты же – пример! На детей посмотри!

– Дети! Дети! – чуть строже, но как-то глупо звучит папин голос: – Ко мне!

Ему весело, а маме не очень. Она сильнее злится, отправляет нас в детскую спальню, сама продолжает ругаться:

– Нажрался опять как свинья! Всю жизнь мне испортил! Лежишь целый день на диване! Вот чем детей кормить? Все мужики, как мужики, а ты ни на что не способен!

– Цыц!

– Не цыц! Не цыц!

В какой-то миг отцу надоело. Странный грохот на кухне. Звон бьющегося стекла, маты, ругань, плач мамы. Конягой лечу в коридор. На полу куча осколков, вместо кухонной стеклянной двери зияет просветом дырище. А папа... Папа в дверях. Шатается, еле стоит, опираясь рукой о косяк. Кулак разбит в кровь, но это его не смущает.

– Ссу-ка! – рывкает громко. – Как т.ты достала!

Хватает осколок, возвращается на место за стол.

– Хочешь, чтоб сдох? На! Щаз будет тебе сдох! Видишь? Ты ус.секла?

– Андрей! Что ты творишь! – и мама ругается снова. – На кого ты похож!

Мама в шоке. Кровь капает на пол, столешницу. Отец выжимает ее из раны, наслаждаясь победой над мамой. В своем пьяном, сверхмерзком угаре ведет себя как эгоист. Мама подавлена, она проиграла, а хуже всего, что сдалась.

Что тут скажешь? Это надо увидеть. И я видела манипуляции, папа так развлекался. Маме бы просто уйти, но она... сделала всё, чтобы загладить конфликт. Обработала папину рану, замотала бинтом. Так они помирились.

Бесит... Ужасно бесило его регулярное пьянство и слова: «Ты усекла?» Говорит их маме, мне постоянно, когда пытается правоту доказать. Мерзко от этих слов, будто общаешься с зэком.

Грязные сцены, скандалы... Но одно я для себя поняла. Поражение в семейных войнах всегда несут оба, вне зависимости кто прав-виноват. Любви друг к другу у родителей больше не стало, каждый прогибал другого под себя. Иногда прогибался сам, иногда бесился от того, что становился слишком удобным. Маятник. Туда-сюда. Туда-сюда постоянно.

Дыра в двери зияла год или два. Сначала не было денег, чуть позже возникла проблема со временем, не хватало желания, над всем довлели апатия, лень. Потом дверь просто сняли.

Как же я ненавижу ремонт. Хороший, но внезапный порыв исправить жизнь к лучшему, начать все с чистого листа всякий раз превращается в долгое прозябание в грязи. Одна лишь мама старается, пытается создать уют. Отцу ничего не надо, ему и так хорошо. Она так всегда заявляет.

Глядя на постоянный разлад, находиться в квартире не хочется. Тетради с конспектами, сгонять за хлебом, в аптеку, просто уйти погулять... Любой повод сгодится, главное, придумать занятие.

Несмотря на опасения, дела в университете не плохи. Не все потеряно, и это подтверждается сессией. В зачетке мелькают оценки «хорошо» и «отлично». Неудача случилась на химии, я провалила экзамен. С предметом в школе-то никогда не дружила, надеялась, что и здесь повезет. Не повезло.

Надо было не пропускать семинары, сдавать работы во-

время и отвечать. Но шанс профукан гулянками, не будет даже минимальной стипендии. А я так надеялась! Карманных денег почти не дают, просить их тоже не нравится.

И во всем виновата «подружка»! Ирка! Будь она неладна! Все из-за нее. Прошла унижения, так и не стала «своей» в абсолютно новой компании, бесполезно потратила время. Вот за что? Чем я так провинилась?

И пусть я не жалею, что избавилась от собутыльников и перестала прогуливать, но так хочется нравиться всем, дружить со всеми, нормально общаться. Не получилось из-за мстительной бабы. Вот за что мне так не везет?

Зато впереди пересдача. Выше «хорошо» не поставят. Если не сдам, будет третья. Там максимум – «тройка» и накроется красный диплом.

Страх потерпеть неудачу заставляет зубрить, но все равно отвлекаюсь. Виталик. В мыслях новый субъект. Он куда интересней, чем химия. Мой симпатичный знакомый. Не совсем в моем вкусе, но я ему как будто понравилась. Интересно, позвонит или нет?

Приятно мусолить в мыслях прошедший день рождения Ольги. Нас туда пригласили с Мариной. Даша пришла вместе с парнем, а тот привел с собой друга. Не наркомана, не пьяницу, не дурака. Так вышло, что на пять девчонок пришелся нормальный один кандидат. Мы танцевали, общались, смеялись... Старались Витальке понравиться.

Чуть позже Даша шепнула, что ему понравились две де-

вочки сразу. Ими оказались Маринка и я. Так смешно. Я и Маринка! Он взял наши телефонные номера. Только вот на-верняка Виталик не мне позвонит. История, как всегда, по-вторяется. Тем, кто нравится мне, нравится больше Марина. Парням я не так интересна. И хоть надела контактные линзы, но кривые-то зубы не спрячешь. Улыбка. Все портит недо-статок зубов. Но в глубине души жду и надеюсь всякий раз, как звонит телефон.

Трель в квартире заставляет напрячься. Отбросив мысли, погружаюсь в учебник и слышу мамино:

– Еля, тебя!

Лечу к телефону. Кто же там? Кто? Маринка? Ритка? А, может быть, все-таки он? Прикрывая трубку ладонью, мама тихонечко шепчет:

– Какой-то мальчик звонит. Трубку дать?

Конечно, дать! Внутри что-то екает, когда прохладный пластик касается правого уха.

– Алло...

Так много и мало сказала.

– Привет. Узнала?

Забывший голос резко всплывает из памяти.

– Дда. Привет.

– Вот подумал. Может, пойдём погуляем?

– Хорошо.

Кто ж в здравом уме откажется от свидания? Тем более, что ОН выбрал меня! Отказываться нельзя. И так молчал

две недели! Но все-таки он позвонил и выбрал не ее, а меня! Самодовольная теплая волна растекается внутри меня. А я все-таки не так и плоха! Уверенности становится больше, но спохватываюсь при виде тетрадки.

– Только эта... Давай в субботу. Экзамен надо сдавать.

Четыре года...

Отношения с ним превратились в затяжной марафон. Все надеялась на предложение. Замуж очень хотелось, потому что женщина не должна оставаться одна. Правильно – найти мужчину, сходить с ним в ЗАГС, родить детей. Виталик стал одним из лучших кандидатов в мужа. Хотя бы тем, что пытался зарабатывать деньги. Это нравилось маме.

– Он своего не упустит, – говорила она. – Не пьет. Не курит. Скажи?

Очевидная разница по сравнению с ухажерами в прошлом. Виталик выгодно отличался от всех, что меня весьма привлекало. Ну и что, что ростом чуть выше меня? Носить туфли можно без каблуков. Мне не нравится его маленький рост, но и с этим я отважно смиряюсь.

Зато Виталик любознателен в сексе. Прелюдии, часы занятий любовью. Потрясающая выносливость парня, разве не повод для радости? Плюс разговоры о деньгах. Мечты.

Но в отношениях всё равно чего-то не хватает, и эти тонкости я стараюсь упорно не замечать. Надо ему всегда нравиться, быть для него самой лучшей. Вне зависимости от желания приходится стараться после знаменательных слов:

– Ты как будто бревно, – он сказал и поморщился.

Мы как раз сидели после секса в машине через месяца полтора после знакомства.

– Ты или давай участвуй. Мужчины ласк тоже хотят. Нам нравится, когда женщина любит не только свое тело, но и мужское... Или давай разбежимся.

Он готов бросить меня? После всего, что было между нами? Я не готова.

Уже позже, как только первый поток эмоций иссяк, я осталась ему благодарной. Пришлось со временем это признать. Выдвинутое условие научило меня не стесняться, сделало более нежной, раскованной. Я изучала «любовь», мужчину и продолжала... бояться.

Что если я с ним расстанусь и больше никого не найду?

Мои опасения не беспочвенны. Виталик их подогревает.

– Вот когда мы расстанемся... – мечтательно говорит он иногда и спешно исправляется, глядя на мою недовольную мину, – если расстанемся, конечно. Ты выйдешь замуж, я тоже женюсь. Мы встретимся через несколько лет, займемся любовью. Приятно будет вспомнить молодость. Да?

Сдерживаюсь, чтобы не смеяться в ответ.

– Вот еще, разбежался! – так ему и говорю. – Своему мужу я буду верной женой.

И уверена в этом до кончиков своих волос. Хватит мамы! В свое время она ошиблась. Это был служебный роман. Мне тогда исполнилось пять лет, когда она очаровала мужчину.

Он ей понравился тоже, и, как в худшем сценарии жизни, обо всем узнал мой отец. Родители вдрызг разругались. И пусть измена не успела случиться, потому что папа вернулся, но родители почти развелись. Уж лучше бы развелись!

Папа вроде как маму простил, но, видать, не очень-то у него получилось. Иначе откуда вся злость и скандалы? Разбитая чашка, склеенная по швам, все равно пропускала обиды. От разочарований родителей страдали мы – я и мой брат, пока они сохраняли семью. Именно с нового листа появился Дима, но совместная жизнь всё равно шла наперекосяк.

Все разговоры Виталика об измене обычно меня умиляют. Жертвовать браком в угоду минутной слабости? Ага! Разбежалась!

– Изменять с тобой мужу не буду.

Но даже после этих слов Виталик меня замуж не звал. Так прошел год, другой. Он меня познакомил с родителями. На первый взгляд всё серьёзно, на самом деле удобно.

– Приедешь ко мне? – зовет он на очередное свидание. – Мамы сегодня не будет.

И я бегу к нему. Даже на троллейбусе полгорода пролетает в мгновение. Его квартира, несколько часов вместе, поднадоевший секс воспринимается как обязательная повинность. Мне же нужен этот парень и отношения с ним? Пусть знает, что рядом находится верная, преданная женщина, готовая на все ради благополучия.

Обратная дорога домой по тротуару в сени деревьев.

Смеркается, включаются фонари, шелестят зеленые листья. Виталик меня провожает. Мы стоим на остановке. Вспоминается мама. Недавно мне говорила, что парень должен провожать любимую. Так делал папа, так правильно.

– Почему ты не отвезешь меня сам? – мягко возмущаюсь. – У тебя же машина есть!

– Машина давно на стоянке. Стоянка закрывается в десять. И что потом? Машину бросать во дворе? Мы и так припозднились. Ты разве сама не доедешь?

– Вообще-то мне с пересадкой. Темнеет.

– Да, ладно. Ничего не случится. Домой приедешь, обязательно позвони.

Мне не нравятся подобные отговорки. Как-то неприятно на душе. Делаю все для него, стараюсь в отношениях, а ему меня домой тяжело проводить. Это все мама... Она внутри сеет сомнения. Чувствую, она права.

Но если начну возражать, мы с Виталькой поссоримся и даже можем расстаться. А если останусь одна, то кому буду нужна? Прошлый опыт не радует. Где найти нормального мужика? Та еще будет проблема, когда нужно успеть выйти замуж.

Оценка всех ситуаций пролетает в голове очень быстро. И вообще. Стоянка – уважительная причина. Преувеличиваю сама же проблему. Виталик тоже ко мне приезжает, звонит сам, иногда отвозит домой. Не обязательно нагнетать. У нас равноправие. Улыбаюсь.

– Хорошо. Позвоню. Только в другой раз ты меня ответишь.

Полупустой троллейбус, темнота за окном, мерное движение от остановки до остановки позволяют мне погрузиться в себя. Думаю о приятном после приятных свиданий и не спешу домой. Есть возможность покурить тихонько на лавочке, насладиться моментами жизни, пока Виталик не видит, не знает.

Так длилось до тех пор, пока я как-то раз не попалась. Глупая случайность. То ли Виталик за мной проследил, то ли от кого-то узнал...

– Ты курила?

– Да. Одну. И что?

– Ничего.

Смотрю в голубые глаза. Чувствую, не к добру. Мне не нравится его настроение. Зря я взяла сигарету. Говорил же, что не нравятся ему курящие девушки.

– Я так подумал.. Нам надо ненадолго расстаться.

– Зачем?

Внутри все обрывается. Меня что же... Виталик бросает? А как же любовь, отношения, дружба? Я больше ему не нравлюсь? Из-за какой-то там сигареты? Всего лишь из-за нее?

– Да. Побудем порознь.

– И сколько? – еле выдавливаю из себя. Перспектива не нравится. Всё во мне противится такому решению.

– Месяц.

– Месяц?! Это же долго!

– Нет. Это не долго. Ты мне говорила, что бросила курить, а сама меня обманула.

– Я брошу курить.

– Вот и бросай, – хмыкает он, пожимая плечами.

Смотрю в уходящую спину, не веря глазам. Виталик меня бросил? Хороший он нашел повод для паузы. Это же мои дела, мое здоровье, в конце концов! Его какое дело?

«Целоваться с курящей девушкой, все равно, что целоваться с пепельницей», – вспоминаются его слова. Наворачиваются слезы. Противно.

То короткие ногти не нравятся. «Вон смотри, какие у Веронички».

То шпильки носи, одежду классическую. «Потому что так очень красиво».

Теперь вот курить не должна.

Назло ему покупаю новую пачку. Домой идти не хочу. Не смогу долго просидеть на балконе, прячась от мамы с риском быть в любой момент обнаруженной. Пусть я ни разу не попадалась, страх скандала и наказания витает надо мной постоянно. Он же будоражит кровь, заставляя и зимой, и летом перед сном идти на балкон.

На бульваре темно, горят фонари, освещая тротуар и дорогу. Я на лавочке в темном «кармане», курю одну за другой. В кронах деревьев шумит июльский ветер. Одиночество гнетет, но и видеть никого не хочу.

Затошнило от курева, но морально легче не стало.

Чертов Виталик! Нашелся же фанфарон. Низкого роста, не очень-то в моем вкусе, простоватый, временами кажется, что недалекий. Что он себе возомнил? Давит, пытается прогнуть под себя. Ведь знал же, что я покуриваю, когда познакомились! Решил меня изменить. Я согласилась, но не хватило силы воли из-за курения с девчонками в институте. Глянь-ка, какой нетерпимый! А вообще... Бросить его надо самой. Плюнуть на отношения, махнуть рукой, сказать «Пофиг!» Справлюсь же! Неужели не справлюсь? Найду себе парня получше. Ну, побуду какое-то время одна. Доучусь, выйду потом на работу.

Эти мысли бодрят, но я думаю дальше.

Месяц...

Как жить без него этот месяц? Точно парня лучше найду? Он старается зарабатывать, хочет купить отдельную квартиру и добивается цели. Не то, что мой папа, любящий лежать на диване и не в состоянии доделать ремонт. Виталька симпатичный, в сексе с ним очень неплохо. Не пьет почти, не курит. Ну, подумаешь, рост? Папа Марины вообще ниже ее мамы. И ничего. Любят друг друга. Нет. Виталик, он не плохой.

Тогда почему ушел? Нет! Прервал отношения из-за какой-то там сигареты?! Курила я мало, об этом ему и сказала. Баловалась совсем чуть-чуть. Разве это причина? Нет, не причина.

Жалостливая интонация мамы, от которой становится горше, явственно звучит в ушах:

«Елечка, хорошая у меня девочка. Только вот глазки плохонькие, да зубки. Ну... Ничего. Ничего. Зато умненькая она у меня.»

Длинный нос, худоба, кривые, редкие зубы, от которых отказались врачи, потому что не хватает им технологий и знаний. В довесок слепые глаза... Кому я такая нужна?

Да. Учусь на «отлично», получаю одну из высших стипендий. Но я – гадкий утенок. Это надо признать. Виталик, вот, бросил. Значит, однозначно плохо. От понимания факта внутри растет сильнее тоска, мне категорично не нравятся выводы! Сердце разрывает на части.

Как же плохо? Я хороша! Он же не сказал, что мы расстались навсегда. Он сказал лишь о перерыве. Подумает, подумает, потом возьмет и соскучится. Если что, сама позвоню. Пусть пройдет какое-то время.

А что если он не вернется? Как буду парня искать?

Вспоминается вдруг Ангелинка, как ходила она «по рукам». Все хотела выйти замуж удачно, искала богатого парня. Лишь бы красивым был, да на машине получше. Она умела к знакомствам относиться легко. Каталась на иномарках, гуляла, со многими переспала, потом встретила обычного парня, влюбилась и вышла замуж. Выгадать богатство не вышло. Не могу скрыть от себя снисхождение с оттенком невольного злорадства. Так легче жить в собственной горе-

чи. Интересно, как они там поживают?

Мне не нравится мысль, что я тоже могу пойти «по рукам», для меня имеет значение честь. Правда, какая там честь? Думала, будет единственный... Слезы катятся снова. Дурой себя не чувствую, но почему-то обидно. Я все для него, а взамен?

Месяц тянется как резина. С огромным трудом бросаю курить. Сложно, приходится бороться с привычкой, когда на сердце тоска, но меня мотивирует будущее. Я хочу измениться, показать ему, что справилась и заслуживаю всяких похвал. Он не хочет общаться с курящей девушкой? Не буду курить. Еще туфли куплю и платье. И сделаю новую стрижку. Верну расположение Виталика и докажу ему, как он во мне ошибался. А если вернуть не получится? Гоню мысли прочь. Подумаю об этом попозже.

Не судите строго. В этих главах я показываю все свои жизненные ошибки, намеренно пропускаю светлые, позитивные периоды. Моя задача сейчас рассказать о негативном опыте, не упустить ничего, чтобы позже раскрыть первопричины и дать ключи к счастью тем, кто до сих пор их не видит.

Глава 5. О родителях и возвращении

Маме о Виталике не рассказываю. Не хочу видеть разочарование в глазах и досаду. Подумает, а то и озвучит, что я глупенькая, наивная дурочка. И в довесок добавит, что Виталька мной наигрался. Слышать такое от мамы нет никаких сил и желания. Мне станет сложнее в разы. Поэтому молчу и спешить с откровениями не вижу смысла. Все может опять измениться. Надо чуть-чуть подождать.

Мы лепим пельмени. Катаю тесто кружочками, говорю с ней об универе, подружках. Разговор прерывается папой. Он заходит попить воды, разрывая присутствием флер теплой атмосферы на кухне.

– Все бы ты на диване лежал, – сетует мама. – Нет, чтобы помог. Никогда за столом с нами не посидит, помощи от него не дождешься.

– Сама виновата, – парирует папа. – Когда-то я хотел помочь, но ты сама все испортила.

– Почему это она виновата? – влезая в их разговор.

– А потому, – с удовольствием поясняет отец. – Мы только поженились, я ей хотел помочь, да вещи не так постирал.

– Ты мою любимую блузку испортил!

– Как испортил? – живо интересуюсь у мамы.

– Да так. Засунул в стиралку все белье и добавил твои красные колготки.

– Ну, он не знал, – защищаю папу и тут же его поучаю. – Что теперь из-за одного раза больше маме не помогать?

– Одного раза? – папа самодоволен. – Так было во всем! То овощи не так порезал, то суп не так сварил. Перца, видите ли, переложил. Делаешь что-то, а взамен получаешь упрёки. Поэтому лучше не делать.

– Потому что ты – эгоист! – делает выводы мама. – Думаешь только о себе вместо того, чтобы сразу делать как нужно.

– Да? А сколько подарков я тебе из Москвы привозил? Ты же вечно всем недовольна! Все тебе не так.

– Конечно! А как тут довольной будешь? Туфли привез итальянские, оказались малые. Ужас, как неприятно!

– Подумаешь, туфли, – хмыкаю я.

Пожимая плечами, искренне не понимаю, зачем расстраиваться из-за вещей. Какая разница в каких туфлях ходить? Отношения же важнее? А так получается, что он, что она – оба злопамятны, друг другу вечно все припоминают. Не могут разобраться, кто из них больше прав.

– На базар или в магазин как отправишь, вечно купит не то. Картошку гнилую принес. Половина на мусорке.

– Ну, не было другой! – возмущается отец. – Ты сказала – купи. Я купил.

Недовольный отец уходит. Наверное, я его понимаю. Зачем лишний раз слушать критику? Любому она неприятна.

Уясняю для себя, что никогда не буду мужа ругать за ошибки, унижать его. Наоборот, буду объяснять, что не так, за инициативу хвалить, просить его в следующий раз сделать чуть-чуть по-другому. Отношения надо беречь. Видно же, как ссоры всё отравляют.

– Вот так одна все на себе и ташу, – жалуется мама. – То сумки с магазинов, то уборку одна по дому. Все сама, все одна.

Если честно, не удивительно. Сама всё сделала, что помогать ей не хочется. Один звук включенного пылесоса вызывает во мне неприятие. Привыкла, что, если в доме уборка, значит, жди криков, скандалов. Она ругается, что дома грязно, и все валяется по углам. И тут же не выдерживаю. Мне ее очень жаль. Мелькает мысль подняться, обнять, но сразу же пропадает. Ни к чему телячьи нежности, они ей все равно не понравятся. Толку от них? Отстранится.

– Расскажи о себе, – тихо прошу. – Ведь папа не всегда был... таким? Зачем ты за него вышла замуж?

Хочу послушать ее откровения. Когда мы общаемся так, я чувствую близость, любовь. Закрываю на кухне дверь, несмотря на гул телевизора. Не хочу, чтобы нас слышал папа, так будет надежней вдвойне.

– Из дома побыстрее сбежала, – говорит мама и усмехается. – Дурочка... Мне нравилось, что у него двухкомнатная квартира в центре. Сам сирота. Плохо, конечно, так говорить, но это правда. Думала, будет добиваться всего, на-

следство досталось хорошее. Перспективный же был.

– Ты его любила тогда?

– Не знаю...

Мама пожимает плечами, чуть улыбается.

– Прицепился, как банный лист, не хотел отпускать. При-мчался за мной на практику через всю страну, чтобы забрать. И забрал. Я ему письмо тогда написала, что мне не нравится в поле работать. Бумага оказалась заляпанной, папа решил, что я плакала. А потом мы поженились...

Свое разочарование мама уже не скрывает. Странные родители у меня. Мучают друг друга, но живут вместе. Только что и кричат о разводе, а до дела никак не доходит. Не верю. Совершенно не верю, что мама не была влюблена! Наверняка была! Просто ссорами, обидами, болью все чувства быстро остыли. Любовь лелеять надо, беречь. Каково постоянно прощать после всех оскорблений, ругательств? Осадок всё равно-то останется, чтобы при новой ссоре снова обо всём вспоминать.

– Почему ты из дома хотела сбежать?

– Родители у меня были строгие.

В небольшую паузу ее лицо озаряет улыбкой. Она кажется грустной, мама сейчас вспоминает.

– Вот и я не ласковая совсем. Не целую тебя, не обнимаю, – говорит она, будто оправдываясь. – Мама никогда меня не ласкала, не целовала. Может быть, я вся в нее получилась. Холодная.

Я молчу, продолжая катать кружочки под пельмени. Тесто получилось хорошим, тянется и не сходитесь резинкой обратно. Ее слова расставляют все точки над «і».

– Не переживай, – ободряю ее, так, по-взрослому. – Я тоже холодная выросла. Вся в тебя. Мне тоже не нравится сюсюкаться. Не вижу смысла.

Мама тихонько вздыхает.

– До сих пор помню. Мне было четырнадцать. Только вышла из дома с подружками, а навстречу родители. Тут же загнали домой, да еще не стеснясь так... Выразительно на словах. Мама еще подгоняла. Так было стыдно на улице!

– А загнали зачем?

– Не знаю. Кажется, они шли в гости. Может, хотели, чтобы я посидела с братьями. Сколько себя помню, мне всегда приходилось следить сначала за Женькой, потом за Егором. Ему я вообще вместо матери.

– А почему бабушка ими не занималась?

– А потому! Сейчас Егор себя как ведет? На работу съездить не может. Все боится, что у него голова закружится, и он в обморок упадет. Сидит дома, умереть боится. Вот и бабушка такая была. Все болела, пока я нянчилась с братьями.

– Тяжело было?

– Обидно. Я ведь тоже хотела гулять с подружками, радоваться жизни и юности.

Между нами возникло молчание.

Наверное, я хорошо понимаю все, о чем она говорит. Ба-

бушка, и правда, холодная. Нет в ней того тепла, что заставит прижаться, прыгнуть к ней на колени, заглянуть в глаза, крепко обнять. Вот вроде бы она всегда добрая, всегда старается. Баловала меня постоянно. То оладушек нажарит, то перед Егором заступится, его игрушки для меня заберёт, то с кошкой даст поиграть, не ругается. А все не то. Веет от бабушки холодом. Жаловаться любит, все у нее вечно болит.

Говорит, виноват во всем детский дом. Сразу после войны она там оказалась. Маму ее посадили. Мороженщица оказалась растратчицей. Прадед мой тоже где-то сидел, там и сгинул. А пока любил жену, дарил ей туфли под каждое новое платье. Двадцать пять пар, отдельная квартира, и вдруг прабабушка осталась одна. В пять лет бабушка узнала послевоенный голод, прозябание в бедности и холод казенного дома. Для нее конфеты и сейчас лучший деликатес. Обожает шоколад и диабет не помеха.

Мама немного угрюма. Вижу, знаю, как она обижается. Ей от мамы хотелось больше тепла, понимания, ласки. Хотелось больше свободы, доверия, но... не сложилось.

– А недавно я видела Мишу, – вдруг объявляет она.

– Мишу?

– Да. Помнишь, того...

Вдруг понимаю, что она говорит о мужчине, с которым пыталась встречаться.

– И что?

– Ездит на иномарке, строит дома. Деньги стал зарабаты-

вать. Заграницей был, свою жену туда возит, – горько вздыхает она. – А ведь он меня замуж звал. Говорил, бросай мужа. Я брошу жену.

– Надо было тогда развестись, – добавляю я довольно уверенно. – Можно было столько всего избежать.

Имею ввиду ссоры, скандалы, непонимание, разочарования и страдания на протяжении долгих лет. Да и не нужно перечислять вслух, мама без слов понимает.

– Могло быть все по-другому... У тебя родился бы другой брат. Отчим был бы. Наверное...

– Почему вы не развелись?

– Папа. После скандала пришел. Я ведь собрала тебя, вещи. Хотела уже уходить. А он стал просить дать ему еще один шанс, обещал все забыть.

Угу... Как же. Я слышала, как он пьяный ругался и материл жутко маму. Все не мог ей простить и не может. Только вот счастье не склеилось. Слушать и слышать друг друга родители так и не научились.

– Дура... Поверила. Пожалела. Испугалась. Хотела, чтобы у тебя был отец.

Грустный разговор, оправдания. Кажется, так маме легче. Она пожертвовала всем ради нас, но нужна ли нам её жертва? Во что, в конечном счёте, вылилось желание родителей сохранить кров и семью?

Испытываю противоречивые чувства. Когда жалуется мама на папу, хочется ее поддержать. Как начинаю думать о

папе, сразу жалею его. Папе тоже пришлось несладко.

В далеком прошлом его мама погибла. С ней жестоко обошелся мой дед. В семейном альбоме теперь вместо фотографии дырка. Дед погиб где-то в тюрьме, папа его ненавидит. Так он остался с бабушкой, пока ее не схоронил.

Мимолетом я улыбаюсь. Любимая прабабушка моя... Очень тёплая, любящая. До сих пор помню, сидела у нее на коленях, когда она гостила у нас. Длинноносая, добрая, сухощавая – она очень меня любила, обнимала и целовала, возила с собой на дачу. Уж какие там росли помидоры, клубника! На зависть ближайшим соседям. Так жаль, что она умерла.

С другими родственниками отца не общаемся. Мама злится на них. Считает, что после смерти родителей, они воспользовались удачной возможностью и забрали себе его законную дачу. Вроде как земля отцу была не нужна, и папа простаком оказался. Еще камень в довесок. Ожидала одно, получила другое. Теперь терпит все и страдает, я у нее как отдушина.

Ее откровения для меня – это стимул.

– Мы с Виталькой ненадолго расстались, – произношу и замираю на миг.

– Как это ненадолго? – непонимающе спрашивает мама.

– Он сказал, что хочет отдохнуть, поразмыслить. Сделать паузу в отношениях.

– Паузу? Еля. Знаешь что. Забуди его, брось. Найдешь себе парня получше. Раз ушел, скатертью дорога!

Слова мамы пропускаю мимо ушей. Угу, как же, найду. Мне нужен Виталик обратно, хочу ему доказать, что лучше меня быть не может.

Мы так долго нормально общались, не ссорились. С ним почти всегда хорошо. Нет скандалов, все мирно и гладко. Еще он – мой первый мужчина. Подумаешь, ненадолго расстались? Причина-то ерунда! Подумаешь, сигареты! О них маме не нужно рассказывать. Еще начнет ругать... Вряд ли, конечно, ударит. Но... От мимолетной мысли о наказании становится внутри неприятно. Загоняю все чувства поглубже.

Тесто, кстати, закончилось. Скидываю в пакет муку.

– Я могу быть свободной?

– Да, – разрешает мама, – дальше сама.

Ухожу, но на пороге останавливаюсь.

– Можно ко мне на день рождения девчонки с универа придут?

– Куда придут? – недоуменно переспрашивает мама.

– К нам.

– И где будете сидеть?

– Можем на кухне.

На зал я и не рассчитываю. Так хочу, чтобы она разрешила. Чувствую себя семилетним ребенком, выпрашивающим у родителей милость. Неудобство, скованность, готовность услышать отказ... Внутри напряжение, но желание все же сильнее. Потому продолжаю:

– Мы не будем мешать. Тихонько посидим будним днем, потом уйдем, погуляем.

– Ну... Хорошо, – нехотя соглашается мама.

Выдыхаю. Ура! Все-таки она разрешила.

С удовольствием приглашаю девчонок, а потом жду неделю. Веду себя как обычно. Лето, досрочные каникулы, потому что сессия опять на «отлично».

– Елия. Вы не будете сидеть ни на кухне, ни в зале, – перед днем рождения вдруг заявляет мама. – Накроем стол в твоей спальне.

Блин! Почему в спальне? Там же так неудобно! Пианино, стол, двухъярусная кровать. Дивана нет, с обеденным столом будет тесно. Мои подружки ведь такие же гости?

Хорошо, хоть братишки не будет. Он постоянно на улице.

Но тут без вариантов, возражать не могу. С мамой лучше не ссориться. Ощущение, что если повздорим, то весь праздник тут же развалится. С угощениями одна я не справлюсь, торт не испеку. Да и как в дом подруг приглашать?

А мама... Мама, вижу, не хочет. Ей почему-то неприятно, что ко мне гости придут.

– Когда придут твои девочки-предевочки? – недовольно уточняет она.

– В пятницу же. Мы будем вести себя тихо...

Сейчас каникулы и папа будет с утра на работе. Уверена, мы не помешаем! И все же почему-то обидно. Маме не нравятся мои подруги, значит ли, что ей не нравлюсь я?

Гоню от себя чувства прочь. Думать об этом не хочется, но надо решить, что сделать мне для нее, чтобы сменить гнев на милость. Дома я убираюсь, веду себя ниже травы, тише воды. Делаю все для мамы, лишь бы все получилось.

Наступает тот самый день. С девчонками сидим тихо-тихо. Тесно, да. Но, может, и к лучшему. У нас есть собственный балкон и закрытая от мамы дверь.

Марина, Ольга и Даша, Света и я. Мои сокурсницы, учимся на «хорошо» и «отлично». Трое из нас нацелены получить на выпускном красный диплом. Мы общаемся, обсуждаем университет, преподавателей, мальчиков. Я бегаю с Ольгой и Светкой курить на балкон, за их спинами прячусь от мамы. Так проходит часа два или три. В конце концов, пьем чай с домашним тортом, и подружки уходят. Собираюсь идти вслед за ними, когда мама появляется в коридоре.

– Ну что? Ушли твои девочки? – снова язвительность в голосе.

– Да. Пойду, их провожу. И сама погуляю.

Вдруг мама хватается веник и начинает уборку. С неприятным до жути рвением, выметаетс порога воображаемый сор.

– Чтоб они никогда не вернулись, – приговаривает со злоградской улыбкой, – чтоб никогда больше к нам не пришли. Тьху, тьху, вон из дома. Тьху, тьху, тьху, выметаю следы.

Стою молча, смотрю на все в легком шоке. Что, вообще, происходит? Почему, а? Ну, почему?

– Чем они так плохи? – тихо спрашиваю. – Что они тебе

сделали?

– Ничего! – утвердительно она говорит и смотрит на меня с превосходством. – Нафиг здесь они не нужны!

– Значит, я тоже тебе не нужна? Да? – раздраженно шиплю ей. – Ну, ладно!

Лечу по лестнице вниз, стараясь выкинуть картинку из памяти. Жутко обидно, до слез! Вытираю мокрые щеки. За что она со мной так? Разве я ее чем-то обидела? Что было не так? Откуда неадекват? Мы сидели тихонько, никому не мешали. Будний день, всего три часа! Обиду сменяет злость, изнутри все выжигает досадой.

Да я сама их сюда не приглашу! Никогда. Никогда! Если бы раньше знала, что все так закончится, не было бы этого праздника! Ужасно стыдно, ужасно! Как она так могла?

Была бы возможность, сама побыстрее сбежала! Но некуда мне идти. Что очень и очень жаль! Вот бы что-то придумать, из дома побыстрее свалить! Быстрее бы доучиться, найти работу. Не хочу бросать очное отделение, почему-то знаю, что на заочном стану хуже учиться. Хуже учиться нельзя. Вдруг повлияет на будущее место работы, карьеру?

Злюсь. Сильно злюсь. Неудивительно, что на нее папа вечно срывается. Так ей и надо! Ведет себя как... последняя тварь!

Из подъезда я вылетаю, нацепляя улыбку. Пофигу! Пофигу все! Пусть остается одна! Пусть одна сидит там в квартире!

– У тебя все хорошо? – спрашивает Марина.

Она ждет меня у подъезда. В ответ киваю.

– Да. Все отлично. Идем.

Рассказывать о поступке мамы не могу и не хочу! Еще точно знаю, что чем дольше останусь на улице, тем будет лучше. До вечера домой не вернусь. В голове не укладывается, почему так произошло.

Мама не любит меня. Я больше ей не нужна, я – обуза. Но верить в это не хочется. Настроение жутко испорчено, хотя стараюсь отвлечься. Просто не понимаю... Не понимаю. Какая муха ее укусила?

Через несколько часов присмиревшей, возвращаюсь домой. Так бывает всегда после ссор. Признавая зависимость от родителей и от этого их и себя ненавидя, я иду домой как на плаху. Щелкает в замке ключ, тихо и медленно открывается дверь. Мечты бросить здесь все и уйти по-прежнему остаются мечтами.

Но и дома уже давно штиль.

– Иди, ужинай, – спокойно говорит мама с улыбкой.

Неужели? А зачем настроение портить? Мне становится обидней и легче. Все же пусть лучше так. Мир я больше люблю. Постепенно забывается ссора, пока не случается взрыв. Между скандалами всегда проходит какое-то время. Иногда больше, иногда меньше. Как повезет.

Наконец-то месяц проходит. Звоню Виталику первой. Нет сил больше ждать. В моей жизни многое изменилось, изме-

нениями в себе так хочется побыстрее поделиться. Доказать ему, что я – лучшая девушка, какая только может быть в его жизни.

– Привет, как дела? – задаю дежурный вопрос.

– Привет. Нормально, – отвечает он.

В голосе слышится радость, но она быстро сменяется скукой.

– Чем занимался весь месяц?

– Да так. Работал и отдыхал.

– Понятно. Сегодня увидимся?

– Зачем? Ты уверена, что это надо?

– Почему бы и нет? Я могу подъехать к тебе.

Меня не смущает даже то, что это я сейчас отправлюсь к нему. Лишь бы мне помириться. Ради этого я готова на многое и радуюсь, когда слышу согласие. Надеваю лучшее платье, подправляю свой маникюр. Надо бить точно в цель, показав, как я изменилась.

Волнуюсь. Неуклюже на шпильках ковыляю на остановку. Неудобно, но я терплю. Хочу ему обратно понравиться. На всякий случай в кармане зажимаю письмо. Как сказать ему все о чувствах? Буду снова а-ля Татьяна Ларина Пушкина. Если что, пусть прочтает, заодно и гордость свою сохранию. Хотя... Какая там, к черту, гордость? Все уж лучше молча потерпеть неудачу, если что-то пойдет не так.

Ну, конечно, мы помирились. Мало кто от откровенного письма устоит. Идея Татьяны Лариной уже второй раз поспе-

шила на помощь. К хорошему же всегда привыкаешь? Один раз помогло и сразу стало привычкой.

Мы провели время вместе. Теплый разговор с ощущением долгожданного счастья, долгий секс с удовольствием, проводы.

И вот я снова одна, возвращаюсь домой.

Эйфория от того, что я добилась желаемого, перемежается чувством досады. Внутри будто кошки скребут, а почему, я не знаю. Кажется что-то неправильным, унижительным.

Успокаиваю себя. Ну, подумаешь, пошла на уступки? Проиграешь в битве, победишь в войне. Если мы с Виталькой поженимся, я быстрее оставлю родителей. Чем не прекрасный стимул оправдать собственный поступок и слабость? Да и разве может считаться слабостью стремление вновь обрести в душе счастье и мир? Виталька ведь не плохой, как-нибудь сложится.

Только вот счастье какое-то хлипкое... Подогреваю уверенность – он сказал, что скучал по мне этот месяц. Раз сказал, значит, так?

Это уже позже узнала, что в тот месяц он общался с другой. Так и сказал одним вечером, что она ему вообще не понравилась. Я же... как дурында обрадовалась. Ну еще бы! Я вновь стала лучшей! Он все-таки выбрал меня!

И несмотря ни на что, отношения у нас хуже и хуже.

Да, я уже давно не курю, ношу каблуки, платья, юбки. Но мне скучно с Виталькой, и без него не могу. Одиночество

страшит грустным примером сокурсниц. Снова ходить по кабакам в надежде, что к тебе принц подойдет? Угу. Как же... Пробовала. Не получилось.

– У меня будет свой дом, – говорит он мечтательно, но замуж до сих пор не зовет.

«С тобой или без тебя у меня тоже будет свой дом!» – думаю с легкой долей злорадства.

«А на огромной кухне большое окно и столешница длинная вдоль. Чтоб можно было овощи резать и смотреть на деревья и небо».

Это мама делилась мечтой, которую я с удовольствием у неё одолжила.

Только и жду, что время вот-вот пролетит, и я закончу грызть гранит надоевшей науки. Хочется больше свободы, потому что в свободное время тружусь. Теперь я – рекламный агент. Если продам место в журнале, получу хороший процент. Все какие-то деньги. Помимо этого знакомлюсь, общаюсь с людьми. Нечего время терять.

Кто знает, вдруг представится случай?

Что если предложат работу? Карьера, деньги, стану, наконец, независимой.

Приходится все успевать. Бегу с работы на пары. Перед лекционным залом толпа. Младший курс, своих почти никого. Слишком рано примчалась. Вижу только Панину и двух ее закадычных подруг. Иры давно с ними нет. Она уже на втором курсе сбежала. Бросила учебу от скуки и «любимых»

подруг.

Отворачиваюсь от Паниной. Не хочу их всех замечать. Напоминают о неприятном. Вдруг слышу:

– Еля, привет.

Поворачиваюсь.

– Ты знаешь... – немного мнетя Лерка. – Ты это... Прости меня за тот раз на первом курсе.

Теряю дар речи. Вот что ей сказать? Кивнуть? Послать?

– Ну, я пошла? – спрашивает она и, не дождавись ответа, уходит.

Хмыкаю тихонько вслед. Прости? Вдруг ни с того, ни с сего? Да мне уже давно все равно!

У меня давно новая жизнь, я живу будущим, работой, карьерой. Не зря один сокурсник вдруг объявил, что из нашей группы студентов чего-то стоящего добьется лишь Ренес. Так и сказал, вызвав у многих досаду.

О его таких странных словах я узнала недавно. Не знаю, с чего он взял, но, если честно, приятно. Мы никогда не общались по душам, у нас разные интересы, друзья.

Ну, ладно. Как будет, так будет. Первое достижение уже близко. Осталось примерно полгода, и мне вручат красный диплом.

Улыбаюсь, смотрю в окно. А день-то сегодня от-лич-ный!

Глава 6. Расставание и новая «любовь»

А желания имеют свойство сбываться! Сегодня мой первый рабочий день. Престижная, крупная компания в городе – чудесный шанс построить долгожданную карьеру к счастью. Удача со мной. Я устроилась работать по специальности и на хорошую должность.

Еще две недели назад я пыталась продать им рекламное место в журнале, но исключительный случай перевернул мою жизнь.

Просто пришла, просто спросила: «Вам менеджеры в отдел не нужны?» Оказалось, нужны. Мне задали пару вопросов: где я работала, кем, на кого училась и пригласили.

Пусть это испытательный срок, главное, своего я добилась. Удержаться на плаву? Без проблем! Что делать – знаю: провести анализ продаж, посчитать емкость рынка, предложить варианты развития. Не раз так делала на практике, справлюсь и здесь.

Новенький стол и компьютер, офигенски удобное кресло, огромные окна, вокруг дерево, мрамор, гранит. Уж я-то за год работы в рекламе много разных фирм повидала, условия могу сравнить. Определенно, реальность меняется к лучшему и, наконец-то, мрак позади.

Ушли в прошлое частые ссоры родителей, наказаний и след простыл, неприятной критики больше не слышу. Как-то стала родителям безразлична, да и сама в их любви не нуждаюсь. Университет вот уже месяц как в прошлом, а в кармане красный диплом.

Расставание с Виталькой показалось естественным. К этому у нас все и шло. Я устала от нескольких лет ожиданий, Виталик мне надоел. Даже страх одиночества и тот не смог повлиять на решение. Было легче смириться, благодаря волнительным сдвигам вперед.

Слишком все изменилось, отношения себя исчерпали. В этом виновата сама. Нашелся парень другой. Более умный, продвинутый. Он был дружкой на свадьбе у родственников, и мама мне подсказала: «Хороший же парень и на тебя смотрит вон как!» С этим мужчиной я две недели встречалась, но, увы, не сложилось. Пропадал он надолго, редко звонил. Говорил, что много работает, и это меня не устроило.

Однако две недели без Виталика, отговорки и переносы свиданий мне помогли. К чести бывшего, он обо всем догадался, не перенес «унижений» и сделал все за меня. Что ж. На двух стульях не усидишь. Я знала это, но в тот момент не расстроилась. Ну, почти. Мне лишь было искренне жаль нескольких потерянных лет. Бесполезные отношения все равно закончились. Уж лучше бы раньше расстались.

Знакомлюсь с доброжелательными сотрудниками, все и все нравится. В то крыло можно сходить за кофе, там на-

ходится туалет. Под окном машина, закрепленная за отделом, на ней можно выехать в город. В городе сеть магазинов, уедешь – никто не ищет. Не работа, а настоящая сказка.

Сейчас лето, но в офисе прохладно. Пытаюсь вникнуть в обязанности. Время летит незаметно.

– Еля, пойдешь на обед? – спрашивает Алла.

– Обед? А куда?

– В «Аризону».

– В ресторан?

Мои глаза округляются медленно. Один из дорогих ресторанов города принадлежит компании и туда ходят обедать сотрудники?

– Не переживай, – улыбается Алла. – Могу денег занять. Обед стоит копейки, на особых условиях кормят весь офис. Идешь?

– Ну, конечно, иду!

Черт возьми! Кто по доброй воле откажется? Вскрываю с кресла, поправляю черную юбку. Она лучшее, что есть у меня. Сквозь шифон просвечивает яркая нижняя юбка. Комплектом шифоновый топ и новые любимые туфли.

Подправляю прическу, иду вслед за Аллой и Софией вниз, аккуратно считая ступеньки. Главное, не улететь. Спустя минуты глазам предстает просторная площадка в саду, стена, по которой стекает вода, цветы, много зелени, столики. Людей много, весь офис обедает.

Конечно, я сразу теряюсь. Кто все они? С каких отде-

лов? Все незнакомы. Прохожу за Софией к свободным местам, краем глаза замечаю мужчину. Как-то странно выгнулся, словно я чудо-юдо какое. Мне даже становится зябко. Слишком демонстративное, пристальное внимание не нравится так, что предпочитаю об этом не думать. Не тут-то было.

– Ты заметила, как Марк на тебя смотрит? – отчего-то радуется София.

Какой еще Марк? На кого и как смотрит?

Кажется, понимаю, о чем она, но искренне пытаюсь делать вид, что ничего не случилось. Я очень смущаюсь, до жути. Незнакомое место и люди, первый рабочий день. Ощущение, что дилетантку из зала выбросили на публичную сцену к актерам и заставляют играть. Хочется провалиться сквозь землю.

София продолжает хихикать, сплетничая с Аллой и Настей. Я же смотрю в крохотный вкладыш меню. Солянка на первое? На второе эскалоп из свинины с ананасом? Серьезно? Ресторанная кухня сотрудникам по смешным ценам на выбор? Хочется попробовать все, но мой выбор сегодня скромнен. Салат, суп. Это все. Так дешевле, ведь деньги я должна экономить. До первой зарплаты жить месяц, впереди испытательный срок.

Кухня вкусная, ем с удовольствием, предпочитая не обращать внимания, где сидит возмутитель спокойствия. Он не в меру активен и весел, и это раздражает меня.

С облегчением выдыхаю, когда доедают сотрудницы, и мы идем дружно в отдел. Побыстрее бы смыться отсюда. И все-таки мужское внимание льстит. Где-то там, в глубине души мне приятно, но, скорее, лучше быть незаметной, чем объектом внимания офиса в количестве семидесяти человек.

В офисе погружаюсь в расчеты, отбросив ненужные мысли. Мне комфортно в цифрах, стараюсь не упустить ничего, и с неудовольствием отвлекаюсь на шум в кабинете. Кто-то пришел.

Внутри тут же все обмирает, когда я вижу перед собой типа, что «издевался» на летней площадке. Он садится напротив меня, рядом с Аллой, и, пока та смотрит бумажки, бурлит взглядом меня.

Провалиться бы, да пол бетонный. Может, тогда лучше сбежать?

– А это кто у вас? – интересуется он.

– Новенькая. Мила взяла, – рассказывает Алла.

– И как зовут? – обращается ко мне, но я молчу.

В голове как назло пусто, язык будто отсох. Чувствую себя глупой-глупой мартышкой перед удавом, пока щеки заливаются краской.

– Это Елия, – помогает мне Алла. – Она бывала у нас. Продавала рекламу. Мила ее взяла на испытательный срок.

Помощь пришла неожиданно.

– Поляков! Иди-ка отсюда, – София взяла ситуацию в руки. – Хватит нашу Елю смущать. Пялишься так на нее.

– Я? – деланно удивляется он и смеется. – Да ни за что!

Благодарность бесцеремонности Софии от меня была почти безграничной. Как только Марк ушел, мне стало легко. Экзекуция кончилась. Только вот... Оставила неоднозначность внутри. Что со мной такое случилось? Будто никогда парней не было.

– Кто это? – спросила я, едва придя в себя.

– Наш дизайнер, – с радостью делится София. – Бабник жуткий. И на тебя, похоже, запал. В общем, имей ввиду и будь осторожнее. Не одной юбки не пропускает.

– Да уж...

Пожимаю плечами. Стар он для меня, еще и ужасно носатый. Наглый. Что в нем все видят такое? Он же просто ходячий кошмар.

Возвращаюсь за стол, пытаюсь усердно работать. Но... Получается не хорошо. Из головы не идет его внезапный приход. Слишком наглый. Слишком. Я так вести себя не умею. Еще мне за себя стыдно. Жуть. Весь отдел наблюдал за нами и наверняка потешался. А в отделе помимо меня и девчонок сидят еще двое парней. Представить страшно, что все подумали. Вот я опозорилась... Блин!

Ну вот что? Не могла нормально ответить? Надо было смущаться, краснеть? Ну сказала бы «привет», улыбнулась и все. И вышла бы за дверь по делам. Скрылась бы в туалете, попозже вернулась. В следующий раз так и сделаю.

Выдыхаю.

Да уж.. Если бы я знала тогда, что он начнет приходить каждый день.

– Что-то ты, Поляков, зачастил к нам, – улыбается София. – Раньше так не ходил.

– Разве? Вообще-то, макет вам принес. Сами нудите. «Марк, срочно давай. Ну, пожалуйста». Вам что так, что эдак не нравится!

Наезды, хи-хи, ха-ха, болтовня. Я предпочитаю не слушать, внимания не обращать. На самом деле, делаю вид. Слежу за ним, как он шутит, что рассказывает, как говорит. За тем, как ведет себя очень свободно. Не стесняется в выражениях, и при этом глаз не сводит с меня. Определенно, я нравлюсь.

А еще... Каждый день жду, когда он явится снова. Два раза в день. До обеда и после. И на обеде встречаемся. Столики разные, но я понимаю, что выискиваю взглядом его. От него веет какой-то внутренней силой, и эта сила мне нравится. Он уверен в себе, даже слишком, чего мне совсем не хватает. Я могла бы спрятаться в его тени.

Так прошла неделя, не больше. Потом он уехал в Европу. На две недели в командировку отправился он, моя начальница и генеральный.

И вдруг мой мир потускнел. Стало скучно, работа обрела монотонность. Как же долго не будет его. Не могла себе даже представить, что за такое короткое время изменятся все мои чувства. Но терпеливо жду, работаю, иногда встречаюсь

с Мариной.

И тот самый день наступил. Мила пришла на работу, подарила всем сувениры. Мне досталась крохотная тарелочка с миниатюрой немецкого города. Что с ней делать? Не знаю. Красивая. Кручу ее в руках. На полке затеряется, на стену не повесишь. Беспольный, на самом деле, подарок. Было бы таких три, четыре. А одна – ни туда, ни сюда.

Сама же как на иголках.

А он придет? Или забыл? Наверное, забыл...

А, может, встретил кого? Ничего особенного я не представляю, но он на меня так смотрел, выделял...

Нет. Не должен забыть. Я ему нравлюсь.

Внутренний диалог похож на заевшую пластинку. Одно да потому и выбросить мысли никак. При этом нервничаю, причем довольно сильно. Утренние часы не летят, а ползут, вытаскивая из меня последние жилы терпения.

Заслышав голос неподалеку, замираю от радости. Наконец-то, пришел! Марк переступает порог, здоровается, отвечает всем на вопросы. Он рассказывает о командировке так, что каждый слушает, раскрыв рот. Интересно и даже очень. Красочные описания, неординарное мнение на то или иное событие, язвительность, шутки. Тема плавно сменилась. В отделе уже обсуждают, как любят проводить свободное время.

– Еля! А ты как вечера проводишь? – спрашивает Марк, улыбаясь.

– Позвони и узнаешь!

Специально ответила с вызовом, надеясь, что Поляков спасует и переведёт тему на что-то другое, и поплатилась. Наивная!

– Так дай мне свой телефон.

Сходу. Вот так просто. При всех.

– Как же, – тихо произношу. – Обязательно дам.

«Когда рак на горе свистнет», – про себя добавляю.

– Да?

Он улыбается мне. Ох. И как быстрее отвязаться? Что сейчас все подумают обо мне? О чем он со мной говорит так тихонько? И попробуй-ка откажи. Что если поднимет на смех и больше не подойдет? Ну и что, что не подойдет. Вообще-то, я не собираюсь с ним встречаться. Он же – бабник, меня предупредили. Сомневаюсь, но времени на размышления нет.

– Ну, давай же, быстрее, – напирает он. – Решайся.

От зеленых глаз близко-близко совершенно нечем дышать. Кровь пульсирует в висках, щеки жутко горят. Мне дико неудобно и в два раза хуже от того, что это видит и он, и другие наверняка.

На первом попавшемся клочке пишу корявые цифры, и бумажка скрывается в мужской ладони. Марк стремительно уходит, я жду минуту, две, пулей лечу в туалет. Мне просто необходимо остаться одной, привести мысли в порядок. Даже думать не хочется, что он позвонит. Потому что...

Не знаю... Я не знаю, что со мной происходит. С ним я чувствую себя слишком скованно, неестественно. Цепенею и сильно волнуюсь. Мое тело меня предает, превращаясь в бесхребетное нечто. И при этом... при этом всем чувствую себя королевой. Безумно льстит неприкрытый мужской интерес, его прямота, сила.

Несколько дней Марк не приходил. Мы виделись только в обед. В какой-то момент я даже слегка усмехнулась. И это все? Коллекционер телефонов? Ну, ладно. Подумаешь...

Я погрузилась в работу. Если честно, то без надежды, получилось бы плохо. Я все-таки ждала звонка. Прошла среда, четверг, пятница. Наступила суббота. В планах ничего, кроме скучного просиживания дома в мыслях о лучшем. Подружки не интересны, да и денег особо нет. Транжирить их в кабаке, в надежде на «познакомиться» с кем-то? Нет. Не хочу. Я другого хочу.

Когда зазвонил телефон, я смахивала пыль с пианино. Все хоть чем-то заняться. Так время быстрее пролетит. Послезавтра уже понедельник, побегу на работу, может, получу объяснения. Конечно, не на словах. По взгляду, словам, его приходу в кабинет многое станет понятно. Например, был сильно занят или вообще передумал.

– Еля, тебя, – зовет мама, встав на пороге. – Какой-то мужчина. Голос взрослый такой... Это кто?

– Знакомый с работы, – по сути отмахиваюсь от вопроса и бегу к телефону.

Рука чуть дрожит, во рту как-то вдруг пересохло. Голос бы не подвел!

– Слушаю.

– Привет. Как дела?

– Нормально.

Он! Он! Внутри все замирает. И что же дальше?

– Хочу пригласить тебя в гости. Что скажешь?

– В гости? Не думаю, что это хорошо. Может, куда-нибудь сходим?

– Видишь ли. Это невозможно. Фирма большая, город слишком маленький. Если нас кто-то увидит, можно лишиться работы. А что тебя так беспокоит?

Да, вообще-то, все. Но аргументы вполне убедительны. Увольнение в мои планы не входит, не говоря о том, чтобы из-за моих прихотей пострадал человек. И потом. Я взрослая женщина, давно не девочка, этого мужчину знаю – несколько недель наблюдала за ним, слышала, слушала о нем разное. Он не похож на маньяка и убийцу. Выглядит прилично, следит за собой. Вряд ли и между нами что-то случится, если сама не захочу.

– Ну... Хорошо.

– Вот и отлично. Записывай адрес. Я тебя встречу.

Сборы, прихорашивания, долгая дорога к нему с размышлениями – правильно ли я поступаю. А если даже не правильно? Ничего не поделаешь, я встретиться тоже хочу. Почему бы и нет? Что в этом такого? Я свободная, молодая. Да

и потом. Интересно, что скажет он? Какой он вне стен фирмы, где мы вместе работаем? Подумаешь, встреча в квартире? По-другому никак. Что теперь? Лишать себя возможности сходить на свидание?

Марк встретил меня на перекрестке. Как будто он чуть-чуть волновался, но я волновалась больше. Привел к себе домой, показал квартиру. На кухне готовил ужин, развлекая меня разговором. Там же мы и сидели.

– Ты так ничего и не съела, – сетует расстроено Марк. – А я так старался. Только куришь и пьешь.

Он улыбается, и я улыбаюсь в ответ. Приготовленный ужин так и остался нетронутым. От волнения кусок в горло не лез. Меня просто тошнит от мысли, что в желудок что-нибудь упадет. При этом я пью вино.

– Прости. Не сомневаюсь, что все очень вкусно. Но я не хочу.

Алкоголь как подспорье. Он хорошо помогает справляться с приступами беспокойства и страха. Необъяснимо, но факт: внутренний дискомфорт из опасения ему не понравиться, желания соответствовать сильному и яркому мужчине перебивается удовольствием от общения с ним с каждым глотком вина. В голове немного плывет, но так гораздо проще. Рамки размываются, в голове вертятся приятные мысли.

Я – взрослая? Да. Свободная? Да. Перспективных планов не строю. Замуж за него не пойду. Но почему бы не провести время с ним? Чем не возможность почувствовать себя сво-

бодной от правил? Нравится же мужчина. Подумаешь, один раз.

Музыка и медленный танец, и сорвались тормоза. В пьяный омут с головой, будь, как будет. Руки, губы, объятья. Новый опыт, новый мужчина, мой прошлый опыт. И лишь спустя какое-то время я пытаюсь сравнить... Одного с другим, понять ощущения. То, как произошло с Марком, с тем, как было с Виталиком. И счет стал не в пользу Виталика.

– Признаться, я совсем не ожидал, – произнес ошарашенно Марк. – Не думал что будет так...

– Как?

– Хорошо.

Я же... Пытаюсь привести чувства в порядок.

Правильно ли я поступила? Почему поддалась? Нужно ли было вести себя так развязно? А что, если допустила ошибку? Что, если отношения с Марком могли бы перерасти в нечто большее, чем секс на раз? Что теперь он обо мне подумает? Только то, что я легкомысленна, стеснительна, а еще у меня зубы кривые. То есть я далеко не красавица...

Алкоголь из крови почти выветрился, с его уходом все сильнее проявлялось чувство вины. Порядочные девушки так себя не ведут. Я, как дядкина новая пассия, не успела познакомиться, залезла в дом и постель. Мама, бабушка, тетки уж ей, недалекой, косточки поперемыли! Как за дядьку переживали, мечтая от приживалки избавиться.

По сути, Марк – незнакомый мужчина. Первое свидание

и все закончилось так. Но... Что сделано, то сделано. Теперь хочется обо всем быстрее забыть, а для этого надо так же быстро сбежать.

– Поздно уже, – вечер закончила я. – Дома родители ждут.

Марк отправил меня домой на такси. Проводил, посадил в машину, а перед этим сказал:

– Это был чудесный вечер. Обещай, что мы увидимся снова.

Ничего не ответила, просто кивнула. После волнений и выплеска чувственной бури хотелось остаться одной. Обдумать все, а лучше не думать. Жаль, заново начать не получится.

– Обязательно позвони, как доедешь, – наказал он. – Только попробуй, не сделай.

Ну, конечно, я позвонила. Родители спали, я набрала номер будучи в спальне и тихо сказала, что дома.

– Я рад. Спокойной ночи, – низкий ласковый голос потом еще долго звучал в голове.

Спать легла в ту ночь около двух. Сидела на своем балконе, сигареты курила. Успокоилась только тогда, когда поняла, что легче смириться и чуть-чуть подождать. В конце концов, ему тоже понравилось. Он хочет новых свиданий.

Месяц, другой, третий. Место наших встреч не менялось совсем. А вот желание проводить с Поляковым все свободное время стало сильнее. Мне его не хватало. Хотелось быть дольше с ним. Я тянулась к Марку, получая в ответ восхище-

ние. Он был внимателен, иногда немного подшучивал. Его подколки меня не задевали, на них я не обращала внимание.

Работа, родители, подруги, шейпинг-тренировки и книги отошли на второй план. На первый вышли мысли о нас, о наших прошлых и будущих встречах.

Всякий раз встречаясь с Марком, я волновалась, но старалась вида не подавать. Страсть бурлила, переливаясь через край, чувства все обострились. Яркие ощущения, желание рано вставать, бежать на работу, чтобы видеться чаще.

Жизнь круто развернулась с ориентиром на счастье, и очередным откровением стал неожиданный Виталькин звонок.

– Еля, привет.

– Привет, – своей холодности даже я удивилась.

– Как дела?

– Хорошо, – отвечаю.

– Может, вечером встретимся?

Не понимаю, зачем ему нужна встреча, но заняться вечером нечем, Марк мне встретиться не предлагал, а зля на Виталика не держу. Да и хочется увидеть его, чтобы окончательно убедиться в том, что мои чувства давно уже в прошлом.

– Ну, хорошо.

– Приеду в семь.

Мелодичная трель в коридоре, открываю дверь. На пороге улыбается Виталик. Похоже, рад видеть меня. А я... Как

назло отмечаю все, что меня давным-давно в нем смущало. В глаза бросается невысокий рост, смазливое мальчишечье лицо без особого налета brutality, тихий голос, какая-то скованность в действиях.

Его рафинированная ласковость и внимательность раздражают. Мне не хватает в нем жесткости, огня и язвительности, не говоря о том, что разница в общении чувствуется гораздо заметнее. Нет. Он далеко не дурак, но ощущение, что мы на разных полюсах, прорезалось как никогда. Виталик кажется мне недалеким. Он не так глубокий, как хотелось бы мне. Он не для меня.

Да уж... Все познается в сравнении.

Уже жалею, что согласилась на встречу, но ничего не поделаешь. Просто послать не могу. Некрасиво. Неправильно. Мы идем в кафе, но заказывать ничего там не хочется. Купила себе чашку чая.

– Знаешь, а я поступил в политех, – делится Виталик. – Учусь теперь на заочном.

– Вот как? Неожиданно. И на какую специальность?

– Нефть и газ.

Улыбаюсь. Помнится, все прошлые годы я объясняла ему, что высшее образование – благо. Для общего развития очень полезная штука. Это связи, знакомства, круг возможностей шире. Но тогда он совсем не хотел, не видел смысла в учебе.

– Я и сейчас не знаю, зачем мне учиться, – говорит Виталик и пожимает плечами. – Чему они там научат?

– Учатся всегда для себя, – отвечаю ему. – А если так уж не хочется, тогда зачем поступил?

Вопрос, само собой, риторический. Разговор ни о чем, но он – лучшее, чтобы разбавить тоску. Я скучаю по Марку, жду среды и субботы. Обычно мы встречаемся в эти дни.

После кафе Виталик меня провожает. Темно, горят одиночные фонари. Еще шумит последняя листва, но в воздухе стылая осень. Ноябрь, впереди Новый год. Предвкушаю, как проведу его в компании с Марком. Не придется оставаться с родителями.

– Знаешь, недавно я был у бабушки, – делится Виталик. – Она узнала, что мы расстались.

– И что?

– Сказала, что я упустил лучшую девушку в жизни.

– Перестань, – отвечаю, смеясь. – Как же другие девчонки? Ты же пользуешься успехом у них. С кем-то же недавно встречался?

Я чуть-чуть снисходительна, могу позволить себе такой быть. Проверяю свое равнодушие и понимаю, что оно неподдельно. В моем сердце умерли чувства к мужчине, а, может, их и не было никогда. Был страх остаться одной, злость на то, что он пытался меня переделать. Как порядочная девушка хотела выйти за него замуж, потому что первый и потому что так правильно.

Больше Виталик не нужен, но я по-прежнему к нему тепло отношусь. Могу себе это позволить, ведь у меня все отлично.

Столько лет провели вместе, многое было. Из жизни четыре года не выбросишь. По крайней мере, пока. Разрешаю взять себя за руку.

– Да что другие, – фыркает Виталик и морщится. – Я же рассказывал, мне не понравилось. Они какие-то... Не такие.

– Да ладно! Не переживай! Обязательно кто-нибудь встретится.

Аккуратно вытаскиваю ладонь, пора домой. Утешать Витальку не хочется. Поздно, милый. Поезд уехал. Я боялась потерять тебя целых четыре года, делала все для тебя. Теперь я счастлива с другим, каждый сам за себя.

– Мне пора. Уже поздно.

– Еще встретимся?

– Конечно, увидимся как-нибудь, – вежливо отвечаю отказом. – Пока.

Ухожу в подъезд, оставляя Витальку стоять. Дома выхожу на балкон, но бывшего внизу больше нет. Ну вот и все. Пожимаю плечами. Внутри легкая горечь. Виталик, ты, увы, опоздал. Я стала сильнее тебя.

После этой главы я немного грустила. Как же легко влияют на нас чужие убеждения, услышанные от кого-то или вычитанные в книгах. Ведь в сотнях, тысячах случаев девушки выходят замуж после секса на первом свидании. Не секс, не внешность, не характер имеют значение в равнозначных условиях, а внутренний стержень целостности и

зрелостъ. Чего на тот момент мне катастрофически не хватало.

Глава 7. Какими бывают наивность и слепота

На предновогоднем корпоративе делала вид, что между мной и Марком никаких отношений нет и быть не может. Темой вечера стал карнавал. Офис переодевался в сказочных и не совсем персонажей, мы веселились, сидели за длинным столом, наслаждались едой с ресторана и танцевали.

Мой скромный наряд превратил меня в первобытную женщину. В закромах на антресолях квартиры отыскалась детская шуба. Черный искусственный мех был нещадно разрезан, заново скроен и сшит. В результате манипуляций появилась короткая с клиньями юбка и такой же короткий жилет.

Конечно, мне хотелось наряда получше. Например, Черновой дамы или принцессы. Но, увы, не хватало зарплаты. Получаемые крохи совершенно не покрывали запросов. Неужели стоило потратить их все на наряд, чтобы выглядеть лучшей и яркой? На вечер?

И к родителям обращаться не стала. Они и так вечно ноют о деньгах. Все дорого, надо делать ремонт, покупать новую мебель... Не хочу быть обузой, достаточно того, что в квартире с ними живу. Просить маму о помощи сшить мне костюм тоже не вариант. Во время ссоры еще начнет попре-

кать тем, что руки из жопы, ничего не умею делать, непри-
способленная, не помогаю, что в ответ ничего не дождешься.
Само собой, мама права. Я действительно шить не умею и
временами весьма ленива, но...

Чем слушать такое, лучше не просить и молчать. Как су-
мела нашла на шорты меховых клиньев, подобрала жилет-
ку, и получилась «дикарка». С тем и уехала в офис. Надо
отметить, наряд оказался вполне симпатичным, оценили его
по достоинству.

К концу праздника коллеги разбились на кучки. Интере-
сы разные, возраст, привычки. Алла из отдела продаж позва-
ла нас домой «догулять». Неподалеку от офиса она снимала
квартиру.

Пару кварталов вверх идем пешком, чтобы поймать такси.
Я в компании Лены и Светы. Мы обсуждаем костюмы коллег
и политику фирмы. Виной всему приказ руководства. Зав-
тра все обязаны прийти на работу, вне зависимости от того,
когда закончится наше веселье.

– Ну какой будет толк от меня с похмелья?

– Практика такая в компании. Шефу зато не скучно, – объ-
ясняет Лена и тут же успокаивает: – Да никто не будет рабо-
тать. Можно даже чуть-чуть опоздать.

– Это как чуть-чуть? Прийти не в восемь утра, а в восемь
пятнадцать?

– Можно и в девять. А начальники отделов появляются
обычно в десять.

– Понятно.

Сейчас почти десять, до двух-трех часов ночи допустимо вполне погулять. Новогодний корпоратив и для родителей повод серьезный, можно чуть задержаться и домой приехать под утро. Мне хватит отдыха дома два-три часа, досплю в офисе, работать толком все равно не получится.

Смотрю на Марка и хочу к нему сегодня в гости. Он идет позади. Наши отношения напоминают шпионскую игру и этим бывают волнительными. Строю планы. Посидим у Аллы часов до одиннадцати, потом потихоньку сбежим. Хорошо бы с разницей в десять минут, чтобы исключить подозрения. Даже если не получится уединиться, прогуляемся, поговорим.

У коллеги в квартире полумрак, играет тихая музыка. Сидим в зале, кто-то пьет водку, а кто-то вино. До сих пор отмечаем. Смех, пустая болтовня ни о чем, время тянется медленно. Вот, наконец, Марк встает и начинает прощаться. Вместе с ним хотят уйти двое, я – третья. Остаться здесь не хочу. Компания не так интересна, без него станет совсем уныло, поэтому выхожу в коридор.

– Тоже пойду, – объявляю тихонько ему. – Подожди.

– Нет. Давай, ты останешься здесь.

– Я не хочу оставаться. Хочу прогуляться с тобой. Проводишь меня до такси.

– Нет. Останься здесь, пожалуйста.

Смотрю на улыбающегося Марка и не верю ушам. Я не

ослышалась? Мы же не вдвоем уйдем, а с компанией. С нами будут Лена, Руслан. Чем я им помешаю?

И потом. Мы же встречаемся. Я его девушка вот уже несколько месяцев. Нельзя же настолько скрываться? Хочется обсудить Новый год, как мы праздник отметим, куда пойдём. Мы с Виталиком каждую новогоднюю ночь проводили вместе, гуляли. Ездили в гости, встречались с друзьями. Пожалуй, единственная ночь, когда я могу не возвращаться домой.

Но Марк меня оставляет. Чужая квартира, я пьяная, пусть и не сильно, но нужно как-то выбираться домой. Такси по вызову стоит гораздо дороже, точно не мой вариант. Придётся до дороги идти. В чужом микрорайоне в темноте, где все незнакомо... При том, что я слишком плохо ориентируюсь на местности и могу заблудиться в трех соснах?

Чувствую обиду, беспомощность. Если бы знала, что так получится, стала так долго ждать? Пошла бы к сотруднице в гости?

Получается, я для него совсем ничего не значу, раз он бросил меня?

Не хочу думать об этом. Не хочу верить догадкам. Внутри тоска, горечь от мыслей. По слухам, Лена – бывшая Марка, но сам Поляков на прямые вопросы совершенно всё отрицает.

Серьезно ли оправдание, что о нас ничего не должны коллеги узнать?

«Зачем тебе, Елия, проблемы? Выгонят с компании, вся карьера загублена...» Так он мне всегда говорит. Может, прав?

Возвращаюсь в зал, жду тех, кто захочет скоро уйти. Минут через двадцать еще одна компания покидает квартиру сотрудницы. С помощью Антона и Светки выбираюсь из лабиринта дворов, ловлю такси и уезжаю домой.

На душе отвратительно. Злюсь, хочется плакать и доказать ему, что со мной так нельзя поступать, но и расставаться не хочется. Тихонько страдаю, а утром бегу на работу, чтобы во всем разобраться.

Мы увиделись ближе к обеду.

– Ты меня бросил.

– Никто тебя не бросал. Ты же понимаешь, что нас не должны заподозрить.

Мне не нравятся эти слова. Кажется, все они пропитаны ложью. Понимаю... Да, я вроде бы все понимаю, но что-то не так. Что-то неправильно. По-прежнему обидно, но отношения с мужчиной дороже. Цепляюсь в его слова, как тонущий в спасательный круг. Он прав, а я слишком капризна. Доехала же? Не растерялась? Чего теперь ныть?

– Я хотела вчера узнать, как ты собираешься провести Новый год.

Раз он сам не хочет начать разговор, это сделаю я.

– Меня пригласили друзья.

– Что?

И снова мне больно. Очередные мечты и планы разбиваются в хлам.

– А как же я? Думала, мы вместе отметим.

– Отказать им не могу. Они меня давно пригласили.

– Возьми меня с собой. Познакомь.

Пристально смотрю на него, выжидаю. Даже не думала, насколько важным будет для меня такое простое решение.

– Не могу. Они же тебя не знают, а Новый год – семейный праздник.

В общем, нет...

Новый год я встретила в кругу семьи. К двенадцати папа напился и на диване в зале уснул. Мама смотрела телевизор, когда я после двенадцати ушла прогуляться во двор. Там меня ждала Ритка. Ей тоже было скучно одной.

Две искусственные светлые косички – новогодний подарок от фирмы подняли чуть-чуть настроение. Я шла по улице, прислушиваясь к звукам салюта, и хотела быть просто счастливой. Невзирая ни на что быть любимой, веселой, довольной.

Подумаешь, Марк где-то там встретил свой Новый год! Не буду грустить, тоже праздник отмечу достойно. Я смеялась, шутила, хотя на душе кошки скребли и от скуки хотелось повеситься...

Одиночество... Как же я его ненавидела. Настолько сильно, насколько зависела от чувств и желаний мужчины.

Утром первого января в девять я уже на работе. Настро-

ения нет, сильно хочется спать. Вместо селедки под шубой с шампанским провожу инвентаризацию в ресторане, находясь в составе комиссии. Бесит, что праздничный день тратится на подсчеты продуктов. Сколько спиртного осталось в баре, сколько семги и колбас в холодильнике, сколько теста для выпечки, круп. Механически отмечаю количество. Ставлю галочки напротив каждой позиции, список внушительный. Мыслями точно не здесь. Интересно, как провел праздник Марк? Интересно, уже вернулся домой? Когда мы встретимся? Сегодня позвонить и поздравить? Для звонка повод хороший. А, может, сам позвонит? Наверное, следует чуть-чуть подождать... Мужчина всегда первым звонит, если женщина интересна.

Медленно проходит день и начинается следующий. Скучно, делать ничего не хочу. Ближе к вечеру окончательно иссякло терпение. Набираю номер, выученный давно наизусть, и прислушиваюсь к длинным гудкам.

– Алло.

– Привет.

– Привет.

– С Новым годом.

– Спасибо. И тебя.

– Как провел праздник?

– Отлично. Хорошо посидели.

– Я тоже праздник весело провела. Встретимся?

– В четверг?

– Слишком долго ждать. Хочу сегодня.

Настроена очень решительно. В конце концов, пора со-
весть иметь! Сколько можно тянуть? Мне тоже внимания хо-
чется. Радостно отмечаю, когда он соглашается встретиться,
и бегу собираться. Через сорок минут я на месте, стою перед
знакомой дверью. Звоню.

Марк не очень довольный. Его вполне можно понять.
Отмечал праздник, устал, наверняка я смешала все планы.
Только вот у меня есть сюрприз, который ждет нужной ми-
нуты. Я долго его выбирала как подарок на Новый год. Сим-
патичную лошадку-копилку – символ года и талисман, что-
бы приумножить богатство. Хочется сделать приятное, сил
нет больше терпеть. Хороша ложка к обеду, а сейчас как раз
самое время.

Раздеваюсь, думаю, за стол пригласит. Выпьем немного,
игрушку ему подарю. Предвкушение греет, подарки дарить я
люблю. Люблю, как улыбаются люди и у них теплеет в глазах.
Близких радовать всегда очень и очень приятно.

Только вот... вместо приглашения выпить, Поляков та-
щит меня прямо в спальню. Срывает одежду, он бесцеремо-
нен и груб. Будто кукла я, чьи желания в приоритеты не вхо-
дят. Ничего понять не могу. Мне совсем не нравится все, что
сейчас происходит. Меня не слышат, не видят, но хотят...
нет! Даже делают больно. Соппротивляюсь.

– Ты что делаешь? Я так не хочу!

– Нет, а что? – злится он. – Ты же за этим приехала?

До меня вдруг доходит, что он имеет ввиду, и становится очень обидно. Значит, только за этим? Как какая-то шлюшка? Серьезно?! Я приехала, чтобы с ним пообщаться! Соскучилась я! Разве плохо испытывать чувства? Выбираюсь из-под мужчины, быстро слетая на пол.

– Не трогай меня! – на всякий случай предупреждаю.

Одеваюсь, спешу, мне противно. Грубость не для меня! В любой форме она критична, потому что мне хватило родителей! Никому никогда не позволю себя оскорблять! Никому, никогда!

Накидываю шубу на плечи, хватаю любимую сумку. Вспоминаю вдруг о подарке. Марк на кухне, он за мной наблюдает с каким-то неприкрытым злорадством. Циничная насмешка, холодность. Он совсем чужой и эмоций не хочет скрывать.

Понимаю четко, что все. Отношения рвутся. Вытаскиваю копилку из сумки и ставлю на стол перед ним. Яркая, цветная и праздничная, больше она не нужна. На моих глазах слезы досады.

– Это тебе, – говорю, как можно жестче. – Подарок на Новый год. Приехала тебя поздравить. Не знала, что будет так.

Ухожу. Дверь стучит за спиной, я жду лифт. Долго... Очень долго спускается он. Наконец, открываются створки. Я в кабинке, жму на кнопку и еду вниз. Слезы уже не скрываю. Прорывается наружу страх, боль. Просто реву. Реву от огромной обиды.

За что он так несправедливо со мной? Разве я что-то пло-

хое задумала? Что сделала такого ужасного? Его захотела увидеть, поговорить?

В какой-то момент понимаю, что не смогу сейчас выйти на улицу. По крайней мере, до тех пор, пока не успокоюсь чуть-чуть. Не хватает мне взглядов прохожих!

Еще... с горечью осознаю, что случился настоящий разрыв. Глупый, внезапный, как раз тогда, когда я к нему не готова. Что делать? Как быть?

Послезавтра идти на работу... И как-то смотреть на людей, с ним придется как-то общаться.

От мыслей становится горько. Подпирая стену спиной, стою и смотрю в уличный светлый проем. Еще не поздно, на сердце гораздо темнее. Считаю до десяти, пытаюсь хоть как-то отвлечься. Вздыхаю и закрываю глаза, когда открывается лифт. В проеме появляется Марк.

Да, ладно? Серьезно? Какого черта спустился?

Он хватает меня за руку и пытается куда-то тащить. Сопротивляюсь. Теперь-то что надо?

– Идем.

– Куда?

Я вырываюсь.

– Поговорим. Дома будет спокойнее.

«Ну, почему не сбежала? Надо было ехать домой! Где твоя гордость, а? Ренес!» – вопит одна половина: «Куда с ним идти и зачем? Он же вел себя как засранец!»

Другая половина слабее и, похоже, давно влюблена. Она

зависима, питит от одиночества, страха, ей хочется сгладить конфликт. «Все допускают ошибки!» – успокаивает мягко она: «Тем более, ему неприятно. Он все понял, разве не видишь? Спустился, вот. Хочет поговорить. Не бил же? Просто был наглым и мерзким».

Сдаюсь на милость той, что слабее, позволяю себя увести. Пусть попробует сейчас объясниться.

Мы долго сидели на кухне и говорили о жизни. Он счел мой поступок нахальным, когда я к нему напросилась, и решил проучить. У него получилось. Угу. До слез довел, едва не расстались. Хорошо, не побил. Для меня подобное – табу. Пришлось бы сто процентов уйти, глотая горькие слезы, потому что если мужчина ударит, то и в другой раз тоже побьет. Это непреложное правило, подтвержденное миллионами женщин. А тут... Просто ошибка.

В общем, мы помирились.

– Оставайся ночевать у меня, – предложил он, когда я все-таки собралась уезжать.

– Не могу, – отказываюсь, хотя я бы осталась. – Меня родители ждут. Ночевать надо дома.

В моих словах есть и скрытый намек. Хочешь, чтобы я ночевала? Сделай что-то для нас. Не готов к более серьезным отношениям? Не надо меня оставлять. Да и родители «ночевок» с женщиной не одобряют ни разу, не хочу от них выслушивать позже. Лишний раз нервничать, злиться.

Все равно я уехала ночью. Отношения у нас сохранились,

и в них, кажется, появилось доверие. Марк кое-что осознал. Он не хочет со мной расстаться. Может, это сейчас не любовь, но безразличием точно не пахнет.

От приятных мыслей выросли легкие крылья. Стану лучшей, обязательно стану, тем более, я нравлюсь ему. Он и раньше делал мне комплименты, посмотрим, что скажет теперь.

Ему нравилась моя фигура – я стала больше красивых вещей покупать.

Ему понравились кудри – я полюбила их завивать.

Подумаешь, надо спать на тонких витых деревяшках? Через пару недель к ним так привыкаешь, что перестаешь замечать. Проснешься пораньше, скинешь их с головы и с наслаждением падаешь в перья мягкой подушки... Зато кудряшки будут как нужно!

Плевать на косые взгляды! Многие догадывались о нашем романе, но никто не мог доказать. Мне нравилось чувствовать себя победительницей, а в его глазах быть королевой. Ни одно изменение не оставалось незамеченным. Потрясающая внимательность заставляла изобретать новые разные мелочи. Как некая игра – заметит ли? И он замечал.

Мне нравилось экспериментировать, и я очень-очень старалась. Для начала перестала стесняться. Вскоре он пересел за наш стол, и мы стали вместе обедать.

Ничего, что мы никуда не ходили, нам достаточно было фирмы, квартиры. Акции, выставки, мероприятия – рабочие

будни насыщены. Маленький мир – средоточие жизни. Приходилось работать везде: официанткой, стоять на стендах в костюмах на выставках, развлекать разных зевак. Одно смущало на должности – крохи. Мне не хватало зарплаты, о повышении не заикалась. Виной всему напряжение с Милой. Начальница часто была недовольной, при том, что я везде успевала и старалась как никогда.

Июньским утром я проснулась в поту. Мне приснилась злая собака. Черная, огромная тварь подбежала ко мне и схватила за руку. Собак я и так не люблю. Было время – кусали. А тут...

Сразу вспомнилась большая овчарка, завалившая меня в четыре года на землю, и куча маленьких шавок у бабушки. Одна, помнится, подлая, откусила с лодыжки кусок. Сон не идет с головы, на работе спешу поделиться. С Софией мы часто ездим по магазинам, поэтому довольно близки.

– А ты к Марте сходи. Она тебе сон растолкует, – советует живо подруга.

– К Марте?

– Да. К завхозу нашему. Знаешь?

Конечно, знаю. Спешу к Марте узнать, что такое ночью произошло. Может, какой-то знак?

– Собака... Укусила во сне? Ну... – она думает. – Друг может обидеть. А черная... Неприятность какая-то, вдруг. Будь сейчас осторожнее.

– Мда...

Толкование мне не понятно. Какой друг может сделать мне больно? У меня их как бы нет. С Виталькой мы не общаемся. Марк... Разве он друг? Мальчишек со двора тоже сто лет не видела.

Пожимая плечами, почему-то восхищена. Ничего себе! За Мартой ходят слухи, что она ведьма-цыганка, окутанная ореолом таинственности. Испытываю к ней уважение и легкий страх – это же надо так уметь разбираться в чужих снах и мозгах. Должно быть, дар у нее какой-то, талант.

– А как вы так сны умеете толковать? – мне интересней не сон, а ее тайные знания. Вдруг есть какой-то секрет?

– Ну вот как-то умею, – улыбается она. – Просто знаю и все.

Она уходит, смотрю ей вслед. Вот бы и мне так уметь! Что касается сна, ничего сказать не могу. Надо понаблюдать, может, что-то случится. Главное, предупреждена.

На день рождения зову Марка в гости. Мама давно просила. Хочет увидеть его, познакомиться, узнать, с кем я пропадаю. Ей известно о разнице в возрасте и не очень нравится, что Марк старше меня. Десять лет не так уж и мало. Тогда я привожу аргумент, что у ее родителей такая же разница в возрасте. И ничего. Живут же! Родили троих детей.

Когда Марк приходит, нервничать начинаю сильнее. Понравятся ли друг другу? Будет ли все хорошо? Но с первых минут понимаю – что-то не так. Все напряжены, улыбки на лицах натянуты. Чопорность, холодность, все совсем не так,

как я себе представляла.

Пытаюсь разбавить атмосферу, мне помогает Марина. Мы общаемся, сидим за столом. Мама немного зажата, папа выглядит равнодушным, он больше молчит. По Марку не прочитать ничего – на лице настоящая маска. Он пробыл час-полтора, потом вдруг засобирился домой.

– Мне пора.

– Я с тобой.

– Нет. Остайся. У тебя здесь родители, гостья.

Несмотря на желание тоже сбежать, мне приходится с ним согласиться. Провожая его и, как только закрывается дверь, первым делом пытаю маму:

– Что скажешь?

– Ничего не скажу. Мне он не понравился. Гораздо старше тебя. Пришел. Уселся в кресло. Принеси воды, Еля! Ни пожалуйста. Просто так приказал. Какой-то он самоуверенный, наглый.

Я пошла к папе.

– Что скажешь ты?

– Да мужик, как мужик, – отвечает папа и пожимает плечами. – Мы просто с ним покурили.

– Он тебе не подходит, – заявляет чуть позже Марина.

Ну, чудесно! Настроение вовсе испорчено. Мне не нравится, что Марк не нравится маме, подруге. Это рушит иллюзию сказки. Думала, будет все хорошо, а выходит так, что не очень.

Что делать? Как теперь все изменить? Один папа меня понимает! Неудивительно, что у меня с ним отношения теплее, чем с мамой. У него всегда легче всего отпроситься куда-то пойти погулять, можно и пококетничать, чтобы задобрить. Мама же будто не разбирается в людях. Мало общалась с Марком, не видела его лучших сторон .

Так и Полякова можно понять! Он наверняка волновался.

А Марина? Может, она просто завидует? Парня-то у нее нет пока. С Костей недавно рассталась.

Не хочу думать о неприятном. С симпатиями потом разберусь. Пусть пройдет время, все образуется. Главное, что Марк мне нравится, и у нас все сейчас хорошо. Хорошо же? Да, хорошо. Так сама себя убеждаю, но вспоминаю о Саше. Саша...

Глава 8. Другая

Она появилась на фирме месяц тому назад. Тот день надолго отпечатался в памяти. Помню, ждала обеда, чтобы увидеться с Марком. Я чуть-чуть задержалась, сдавая еженедельный отчет. Когда пришла в ресторан, уже все столики заняли.

Хорошо, коллеги оставили место. Сажусь напротив дверей и заказываю аппетитный бифштекс. Пока жду блюда, наблюдаю за залом. Недалеко от входа Марк вместе с коллегами что-то живо обсуждает и спорит. Он меня не дождался, впрочем, не так уж и страшно.

Стабильность отношений давно действовала на меня умиротворяюще. Надо признаться, что временами я даже скучала, но всячески гнала эти мысли. Нечего тут капризничать! Радоваться надо, что все у нас хорошо. Наверное, это называют рутинной. Но лучше в ней, чем без нее, жить одинокой.

Прислушиваясь к разговору девчонок, бросаю взгляд на двери. В зал заходит директор по качеству и приводит с собой незнакомку. Новенькая! Привели ее на обед так же, как когда-то меня.

Светленькая и... очень красивая. Внутри замирает все, и появляется острое сосущее чувство. Чувство безысходности как бывает, когда проиграешь. Марк. Он весь как-то вдруг изменился, с жадностью подался вперед. Его взгляд, поза...

Видно, как он очарован, сражен. Таким я его вспомнила, когда увидела в первый раз.

Неуверенность поглощает, но я справляюсь с ней, натягивая полуулыбку. В конце концов, рано переживать. Понаблюдаю за ним, куплю что-нибудь из белья, постараюсь разнообразить свидания. Мужчинам всегда нравятся красивые девушки, а с новенькой... Не помешает с ней познакомиться. Какая она? Что из себя представляет?

Деловой настрой не омрачает тот факт, что с отделом качества я никогда не общалась. Слишком разные интересы и ведомства, мое любопытство сильнее. И потом. Я помню себя. Дружелюбие коллег помогло мне быстрее освоиться, и девчонка, быть может, хорошая. Зачем сразу паниковать?

При первой удобной возможности я подхожу к незнакомке.

– Привет. Ты только устроилась?

– Привет. Да. На днях.

– Меня зовут Елия.

– Саша.

Зеленые глаза, правильные черты лица и... улыбка. Тепло в голосе и несколько брошенных фраз что-то переключают внутри. Ловлю себя на мысли, что тоже очарована новенькой. Меня тянет к ней и не отпускает. Чувства мне непонятные. Я не могу оторваться, мне рядом с ней хорошо. Что-то в ней есть. Но что?

– Ты куришь?

– Да. Иногда.

– Как насчет прогуляться в обед? Поболтаем, расскажу тебе, что здесь и как.

– Давай.

Прогулки быстро вошли в привычку. На фирме не запрещали курить, но каждый день мы, как школьницы, сбегали в ближайшие дворики, где прятались от чужих глаз. И общались, делясь новостями. Шутили, смеялись.

– Смотри, какая хорошая лавочка. Предлагаю присесть.

Возле подъезда под сенью деревьев прохладно. Удобней устроившись, беру сигарету. Прикуриваю сама, даю огня и Саше. Первая затяжка в обед. Хорошо... Дым кажется вкусным. Вторая затяжка. И как гром среди ясного неба:

– Курите, да?

Четкий, звонкий старушечий голос.

– Такие молодые и курите?

Мы переглядываемся.

– А вам-то что?

– Лучше бы по кукурузине взяли! Кусали, сосали ее!

Внимательно смотрим наверх, потом друг на друга.

– Вам же детей рожать!

Перед глазами картинка. Старый дом. Лавочка. Я и Саша. У каждой в руке кукуруза.

Конечно, мы не докурили, пока смеялись до слез. Сигареты тлели в руках, мышцы пресса болели. Молчаливо как-то решили, что больше сюда не придем. Зачем травмировать

бабушку?

– Может, это? Того? – поддразниваю подругу. – У мужа попросишь ребенка?

– Нет уж. Спасибо! – парирует также она. – Как-то не очень хочется.

Конечно, рано! Нам всего двадцать лет! Веселье не отпускает, нам уже не хватает общения. Хочется продлить драйв, посмеяться.

– Если ребенок не нужен, может, вечером пива попьем? Зайдем в кафе после работы, посидим там пару часов? На работе сегодня завал, Ефим собрался устроить всем праздник.

– А я не против.

Саша ловит мысль с полуслова. Когда еще как не вечером можно все обсудить? Мы будем не ограничены временем, не придется смотреть на часы. Два-три часа лучше, чем пятнадцать минут после обеда.

– Я еще не успела спросить... – немного мнусь, неудобно. – Как тебе Марк?

– Какой?

– Из проектного отдела. Поляков.

– Ах, этот...

Ее ответ для меня очень важен. Буквально вчера он нам навязался в компанию. Мы хорошо провели время, но сегодня пришлось изощряться, чтобы тихонько слинять. Пусть Марк узнал о замужестве Саши, и мне стало гораздо спокой-

нее, но уверенности хотелось побольше.

– Нет. Он не в моем вкусе. Таких не люблю.

Улыбаюсь. От слов новой подружки мой мир будто расцвел. Отношениям с Марком больше никто и ничто не мешает. Но почему он Саше не нравится? Не так уж Марк плох. Мы можем общаться друзьями. Вчера же так весело было. Марк умеет шутить, многое знает, интересен как собеседник. Плюс, с ним буду видеться чаще.

– Зря, – отвечаю ей и пожимаю плечами. – Он абсолютно нормальный.

Вижу недоверие на лице у подружки.

– Да нормальный он. У него здесь имидж такой.

Марк мне сам говорил. Слишком офис большой, вокруг сплетни, интриги. Чтобы обезопасить себя, приходится быть агрессивным, носить яркую наглуую маску как средство хорошей защиты.

Мне понравилось, что Саша прислушалась. Мы стали чаще общаться. Не только гулять в обед, но иногда сидеть в кафе после работы. А вечером после проводов, мы с Марком оставались вдвоем. Саша стала нашим прикрытием.

Я испытывала настоящее счастье. У меня появилась подружка, с которой я отдыхала душой. Саша, как Ира, только светлее, добрее. С ней легко и тепло. Моя личная жизнь тоже стала насыщенной. Мы с Марком вышли «в свет». Отношения вновь развивались.

– Как тебе Саша? – интересуюсь у Марка.

– Хорошая девчонка.

– Мне она нравится тоже.

– Надеюсь, ты не рассказала о нас? – спрашивает он и улыбается.

– Нет. Ты же просил. Никому и ничего.

– Правильно. Ей тоже не нужно знать.

– Дурная фирма какая-то, – выражаю негодование. – Платят мало. При этом нужно быть то официанткой, то инвентаризацию проводить. Неважно, выходной или праздник. И доплат не делают. Надоело жить на побегушках.

– И работа твоя бесполезная, – добавляет масла в мое недовольство Марк. – Занимаетесь там ерундой. По-настоящему в офисе работают единицы, остальные штаны протирают. Раздули штат.

– Ничего не бесполезная у меня работа.

Я недовольна, но в глубине души понимаю, что он прав. Почти год прошел, а роста особого нет. Зарплата низкая, карьеры нет. Как была менеджером, так им и осталась.

– Уходить тебе надо, искать что-то лучше, – советует Марк. – Зарабатывать больше.

Киваю. Мои мечты стать богатой, зарабатывать много денег, помочь родителям больше не испытывать трудностей, заставляют думать о будущем. И моя текущая работа в этом никак не поможет. Все, что приобрела – кое-какой опыт и стаж. Стою в мыслях опять на распутье. С одной стороны – уверенность в завтрашнем дне, Марк, Саша, престижное

имя компании. С другой стороны – мечта исполнить мамину мечту, увезти ее в путешествие и моя личная цель.

– Разберемся, – отмахиваюсь и улыбаюсь. – Не очень хочется все вдруг бросать.

Дни идут, привычка берет свое, я не тороплюсь. Уволиться всегда легко, труднее найти работу с лучшей зарплатой и перспективой. Машинально слежу за коллегами. Кого бы я могла заменить? Кем стать? Чем с легкостью заниматься? Проверять магазины мне скучно, руководить пока не возьмут, аналитика мне надоела. Реклама? Можно уйти снова в рекламу. Только если раньше я ее продавала, теперь могу покупать. Опыта поднабралась, во многом теперь разбираюсь.

Время ближе к обеду. Забираю у Алины бумажки и несу Марку в его отдел. Хороший повод увидеться раньше. Он давно к нам не заходил. Говорит, что много работы. А мне что? Прогуляюсь, заодно разомнусь. Сидеть целый день тяжело, пятая точка болит.

В кабинете Марка нет. Он где-то ходит, наверняка развлекает людей или шефа. Оставляю пакет, ухожу, решая сменить маршрут. Путь длиннее, в отдел возвращаться не хочется. Северная лестница как южная тоже закрыта дверьми. С трудом толкаю массив, дверная пружина скрипит.

Тенью проскальзываю в открывшийся проем и замираю. На лестничной клетке Саша. И Марк. С ней рядом стоит, как будто мешает идти. Его руки на стене поверх ее головы, сам навис.

– Вы? – спрашиваю, не веря глазам. – Чего здесь творите? Давлю смешок и остаюсь с застывшей улыбкой. Мне не нравится встреча. Здесь что-то не так. Ощущение, что он ее подкараулил, ждал, наедине хотел пообщаться.

Не дожидаясь ответа, молча сбегая наверх, краем глаза заметив, как отстраняется Марк и уходит Саша.

Не хочу, боюсь слышать ответ, да разве он что-нибудь скажет? Еще конспирация эта... Попробуй его приревнуй! Да и вообще. От меня сцен точно не будет. Я могу ошибиться, окажусь в дурном положении. Кем я буду тогда? Ревнивой неуверенной душой? Нельзя. Так делать нельзя.

Это же Марк! Он к любому докапывается, а мой повышенный интерес вызовет у Саши вопросы. Она – подруга, врать ей никак не смогу. Мы по-настоящему дружим, между нами тепло и доверие. Она уже многое знает. Пожалуй, все, кроме «лямуров» на фирме.

И ладно бы я призналась Саше, но ведь обещала ему. Не сдержу обещание, сама расценю как предательство. Верная женщина та, что секреты умеет хранить, сор из избы не выносит. Это я прочитала в одной из книг, что купили когда-то родители. Что-то там про семью и семейное счастье, целомудрие, верность и честь. Еще читала заметки в газетах, как нравиться мужчинам, как быть для них незаменимой... Советы хорошие, их надо слушать. Мало ли что я хочу! А я хочу устроить разборки, узнать, что с ним происходит. Но... Не могу и боюсь. Так будет неправильно.

Ухожу, на сердце кошки скребут. Мне нехорошо и противно... Сколько там до зарплаты? Может, новую юбку купить? Или костюм... Наверное, надо. Пора привлечь к себе дозу внимания, в очередной раз доказать, что я тоже весьма хороша.

Жаль, что зубы с щелями. Я привыкла не улыбаться и рот прикрываю рукой. Играю в застенчивость, но с грустью завидую всем, кто с легкостью открыто смеется. Саша... У нее вот улыбка шикарная. Ее улыбкой люблюсь. Может, и Марка к ней так же тянет? Я-то так не могу...

Саша спокойна и весела. Она, как солнышко, греет чем-то мне непонятным. Будь подруга свободной, кажется, я сама бы подвинулась, признав превосходство сильнейшей. А так... У Марка нет ни шанса. Он должен это сам понимать. А Саша? Разве предаст? Мы же подруги. Может, она уже знает, что мы с Марком давно встречаемся. Кажется, все на виду. Вся фирма судачит, догадывается.

Мысли меня удручают.

Марк... Все-таки она ему нравится. Ведет он себя как всегда и в то же время будто ищет во мне недостатки. То бедро сожмет в поисках целлюлита. В мои двадцать два! С ума сошел, явно! Представляет, как в будущем покроюсь апельсиновой коркой. То укажет мне на живот, а вернее животик, то называет лентяйкой, теряющей время на фирме.

Впрочем, я как всегда нагнетаю. Он и раньше был не подарок. Мне же его замечания лишь стимул следить за собой.

Прически меняются каждый день, одежда и обувь. Лезу из кожи вон. Елия та и Елия новая... Разница просто огромная.

Один из дней оказался из ряда вон выходящим. Марк выловил меня в коридоре и утянул в закуток. Вижу, не в духе, но понять ничего не могу. Что-то произошло?

– Нам надо поговорить, – почти цедит сквозь зубы и добавляет: – У тебя кто-то есть еще кроме меня?

– Ты о чем? – обескураженно спрашиваю. – Что значит: «Кто-то есть»?

Не могу уловить, кого он подразумевает под кем-то. Конечно, есть. Родные, подруги, друзья. Но ситуация проясняется быстро.

– Ты с кем-то из мужчин еще спишь? Параллельно встречаешься?

Мои глаза медленно, но верно лезут на лоб.

– Чего-о? С чего вдруг такие вопросы?

Недоверие и раздражение на мужском лице мне очень не нравятся. В руки падает бумажный клочок. Незнакомый адрес и телефон, чье-то имя, фамилия.

– Сдай анализы. Принеси результаты. Может, надо лечиться.

Лечиться? От чего? Он меня что? Заразил? Чем это таким, интересно? Как такое случилось? Пребываю в ступоре, не знаю, как себя вести и что говорить. Неприятные чувства глушатся мыслями о предстоящей проверке.

– Чем быстрее съездишь к врачу, тем лучше. Там прини-

мает мой друг.

– Да что такое случилось?

– Какая-то уреаплазма, – словно нехотя говорит он и неуверенно добавляет: – Я же в баню хожу. Может, там что-то прилипло.

Даже думать не хочу, что он с кем-то спал кроме меня. Верить хочу ему до последнего. Новость лишает спокойствия, и я, конечно, отпрашиваюсь. Лечу в больницу, сдаю анализы, жду. День, другой, третий тянутся долго и нудно. С Марком почти не общаемся, он постоянно в разъездах. Переживаю. Ведь если эту дрянь у меня обнаружат, Марк решит, что я ее принесла. Сделает меня виноватой, а я не смогу оправдаться.

Почему? Да потому что по-дурости влипла. Первый раз на служебном выезде строила глазки незнакомым парням в навороченном джипе. Веселилась и достроилась так, что они нас сопровождали до фирмы. Въехали на территорию, их потом выгоняли охранники. Само собой, Марку обо всем доложили. «Добрых» людей всегда хватает в избытке. Одна такая работала со мной вместе в отделе. Все шутила, и шутки вылезли боком.

В другой раз, чуть позже, я попала с подарком. Захотелось по-настоящему и навсегда проститься с Виталиком, и я купила ему книжку в подарок. Эротический гороскоп с Кама Сутрой. Ироничный намек на то, что навсегда останется в памяти. Или... Что ему предстоит еще многому там научиться. Это посмеялись подруги.

За неимением времени купила «талмуд» в обед, принесла с собой на работу. «Доброта» людей и здесь не прошла незаметно. Марк и про книжку узнал. Естественно спросил, что такое. Я ответила, как есть, врать не стала.

И теперь моя ранняя глупость казалась мне жуткой ошибкой. После нескольких таких провокаций как ему теперь объяснять? Не могла быть тогда поскромнее, ничего не вытворять понапрасну, больше молчать? Ну, или советоваться, но без откровений излишних?

Подруги, коллеги... Не подруги, а змеи.

Перед врачом, как на казни, стою и жду оглашения результатов. Мне страшно и не по себе. Желание чуда, неверие в происходящее, убежденность в своей невинности подогревают эмоции. Пусть же мне повезет! Ну, пожалуйста! Пусть!

Пальцы рук болят, так сильно впились друг в друга.

– У вас отрицательно, – звучит сухо голос врача.

– Что?

– Все хорошо. По анализам чисто.

– Правда?

Облегченно выдыхаю от радости и тут же настроение портится. А почему тогда он заболел? Говорит, был в общественной бане. Долго ли на лавке, в бассейне подцепить какую-то гадость? А может, он мне изменил? Гоню противные мысли, не хочу даже думать об этом.

Главное, у меня обошлось. Порадую его результатом. Пусть ему хоть на миг станет стыдно и заодно убедится, что

я верна и порядочна. Посмотрим, как сам объяснится.

Недоумение и неверие на лице Марка мне определенно понравилось.

– Ну и отлично, – говорит он. – Поздравляю.

– И откуда эта дрянь у тебя?

– Подцепил в бане.

– Точно в бане?

– Ну, конечно. А где же еще?

Доверять Марку очень хотелось. Общественная баня с бассейнами – то еще место с сюрпризами. Версия похожа на правду и нравится гораздо больше, чем мысли о возможной другой. Смотрю в глаза Марку, взгляд кажется искренним.

– Долечивайся, – чуть улыбаюсь. – Что тебе еще пожелать?

– Да уже почти допил лекарства, – отвечает он и добавляет: – Ты сейчас пьешь таблетки?

Речь шла о противозачаточных женских пилюлях. Их пила много лет, начиная еще с универа.

– Да. Давно уже.

– Можешь их больше не пить, если не хочешь.

Предложение показалось уместным, но внутри остался осадок. Радоваться нечему, беременность никто не планировал. Просто в отношения снова вернулись «резинки».

Мы сидели на кухне, пили армянский коньяк. Сигарета тлела в руке. Хотелось переключиться на что-то более приятное, поговорить о душевном, но мыслей не было. Все как-то... Как-то неправильно что ли... Словно дорога к финалу.

Но, может, потом образуется?

– Ты уже работу нашла?

– Новую? Нет. Пока не искала.

– Зря. На побегушках будешь до старости?

Он снова о грустном, зудящем. Ведь придется все в жизни менять.

– Тебе надо дальше идти, развиваться.

Слова Марка отзываются в сердце. Конечно, надо идти. Хочу оправдать ожидания. Его, родителей, собственные. Показать Марку, на что я способна, и доказать, что он сделал правильный выбор. Стать успешной, зарабатывать много.

И на следующий день покупаю газету. Вакансий много, их море. Ищу клад предельно дотошно. Как строить дальше карьеру? Кем стать?

Может, менеджером по рекламе? Выбранная компания развивается, буду стоять у истоков. Прекрасный вариант и зарплата в два раза выше. Конкурс будет. Любопытно, пройду?

Чувствую, что должна попытаться. Я уверена в своих качествах, знаниях и люблю побеждать. Улучаю момент, звоню и спокойно предлагаю себя на новую интересную должность и... получаю согласие.

– Приходите к нам послезавтра в одиннадцать. У нас будет первый этап.

– Хорошо. Диктуйте адрес.

Новая работа только показалась мне сказкой. Из меня сде-

лали настоящую лошадь. Вечером второго дня я чувствовала себя взмыленной и очень уставшей. Немудрено. Менеджером по рекламе меня никто не назначил, я оказалась в call-центре. Звонки клиентов, вопросы, претензии: «То не сделано, это прислали не вовремя. Это плохо, а вот так нам не нравится. Пусть будет лучше вот так». Попытки успокоить людей.

Я знала, что полное погружение в ассортимент фирмы пойдет мне на пользу. Легче всего влиться в работу, пройдя ее от самых низов. Но работа высасывала все силы не только из-за клиентов. Мой новый босс оказался сущим кошмаром. Жесткий холерик не щадил никого, не оставляя шансов на отдых. Спокойная дисциплина и упорядоченность первого места работы сменилась хаосом, матами и непомерным давлением на психику.

Голова трещит, пока в автобусе еду домой. Куда я попала? Что теперь и дальше так будет? Это же какой-то ад, а я туда добровольно устроилась. Об увольнении и речи нет. Как же стаж? Репутация? Всегда есть надежда на лучшее. Трудности меня не смущают, а настроения нет. Но не только виновата работа. Меня мучает еще и другое.

Марк, Саша и Руслан из отдела продаж едут в маленький отпуск. С пятницы до воскресенья их ждут соленое горное озеро, солнце, прогулки и пиво. Они договорились при мне на последней совместной гулянке.

И это после Сашкиных слов по секрету, что у нее появил-

ся мужчина. Не муж. Другой. У Сашки появился любовник! Немыслимо! Просто невысказано...

Кто этот новый мужчина? Подруга мне не призналась. Знаю, что точно не Руслан. Это исключено!

Марк, Сашка и Руслан... Вечером уезжают втроем.

Дура я! Какая же дура! Надо было бросить работу или договориться о паузе, небольшой передышке. Подумаешь, пропущенный день?

Все Марк.

– Ты с ума сошла? – так и спросил. – Ты же только устроилась! Глупо все бросать. А как же карьера? Будущее? Ты в своем уме?

Будущее. Уже давно не радужное, наполненное тревогой и мрачностью.

Пытаюсь взять себя в руки. Сама себе говорю:

«Елия... Слушай. На прямой вопрос Сашка тебе ответила, что ее новый мужчина не Марк. Ты ей должна доверять. Марк, действительно, выделяет ее, она ему нравится. Он наверняка будет что-то предпринимать, но там же Руслан! И потом. Помнишь? Он же тебя сам спрашивал, вышла бы ты за него? Раз спрашивал, значит думал серьезно о будущем. Ты им должна доверять».

Должна... Доверять... Сердце все равно тоскливо ноет. Поздно уже. Надо было раньше решаться, никого не слушать и ехать с ними на отдых.

Александра

Наконец-то маленький отпуск! Хоть на пару дней получится сменить картинку, развлечься. Жаль, Елька не едет с нами, но ее можно понять. Новая компания, должность с лучшей зарплатой требует жертв и усердия.

Елька. Подружка. Как сейчас помню первые рабочие будни. Большая компания, не менее большой коллектив. Как себя с ними вести, как начинать разговор? Стать общительней и более открытой с людьми?

Стать, не стать...

Я была собой. Как всегда. Молчала, наблюдала за людьми, выполняла работу. Протоколы, инструкции, приведение документов в порядок, желание разобраться в профессии. Кабинет, ресторан в обед, кабинет.

И вдруг она... Веселая, открытая, яркая. Столкнулась с ней в коридоре, когда возвращалась с бумагами из кабинета начальницы. Воображение поразило внешнее сходство коллеги с одной голливудской актрисой. Только волосы светлые, но те же скулы, губы, глаза. Она улыбнулась, представилась.

– Ты похожа на Джулию Робертс, – не смогла ей не сказать.

– Да. Иногда отмечают и это.

Она мне вновь улыбнулась.

– В ресторане ты сидишь с программистами. Не скучно с ними обедать? Может, нам составишь компанию?

Разве можно ей отказать? Пусть скучно мне не бывает, но Еля в чем-то права. Взрослые мужики-программисты, их разговоры и шутки совсем не интересны.

– С удовольствием.

Мы на время расстались. Она же стала спасением, моей личной неявной помощницей, проводником. Благодаря ей знакомство с коллегами протекало быстро, легко. Я влилась в коллектив ненавязчиво, словно всю жизнь в нем работала.

Перекуры в обед, а позже и вечерние посиделки способствовали сближению с Елей. Одно меня немного смущало. При Марке подруга менялась. Дрожащий голос, натянутость, вся – холодная стальная пружина. Попробуй, тронь – зазвенит! При этом Еля искала с раздражителем встреч.

Зачем? Зачем он нужен? Приятный собеседник, не более. Такие, как он, лишь средство провести весело время, быть может, ненадолго расслабиться, пока нет рядом твоего человека.

Муж...

Я вышла замуж, сбежав от опеки. Любовь родителей, бабушек, дедушек не давала спокойно дышать. Расти принцессой всю жизнь – это круто, но до тех пор, пока ей хочешь быть. К девятнадцати захотелось свободы, и замужество показалось спасением. Я «спаслась», как могла и умела. Думала, стерпится-слюбится, но... Отчетливо поняла много позже, что в мужчинах ценю интеллект. Еще важна душевная близость.

А Игорь. Добрый, чуткий, но мы – люди с разных планет. Нет общих тем для бесед, слишком разные интересы и вкусы. Постепенно он стал отдаляться, задерживаясь всякий раз на

работе. Об истинных причинах задержек не ленились шептать мне «друзья». Но сплетни – вещь ненадежная, я верю в непреложные факты. Фактов не было, союз сохранялся, но и «любовь» испарилась.

А Елька сказала тогда: «Марк – нормальный. С ним очень даже можно общаться».

Ее слова будто маленькие ключики приоткрыли ранее закрытую дверь. Они заставили присмотреться к мужчине.

Все началось еще с практики. Я приходила на стажировку, а за стеной кабинета постоянно кто-то кричал. Громко, с апломбом и, как оказалось чуть позже, с активной жестикуляцией. Спустя время уже догадалась, что это был именно Марк.

Дальше больше. Мне о нем рассказали, подметила что-то сама. От таких агрессивных мужчин, слышащих только себя и не пропускающих новеньких, нужно держаться подальше. Ельке уж точно. Она слишком ранимая, тонкая. Обидит ее. Что потом?

Так чувствую, а сказать не могу. Да и что ей скажу? «С Марком будут проблемы?» А какие проблемы не знаю? А с чего я это взяла?

Время шло. Кафе, посиделки с друзьями привели к тому, что Марк стал наседать: вылавливал меня в коридорах, постоянно приглашал на свидания. Мужское обаяние, острый ум и циничность пробивали мой бастион. Крепость стала сдаваться под напором мощной харизмы. Это мне теперь

надо бояться поспешных, необдуманых действий.

Впрочем, легкая интрижка не в счет. Семей я не дорожила, она исчерпала себя. В одном я себе честно призналась. Мне нравится общаться с Марком, беседы с ним подкупают. Влюбиться? Нет. Пусть все идет так, как идет.

И все же я еду на озеро. Отдыхать от работы, но с Ним. Руслан... просто друг, хотя пытается строить планы на большее.

А Елька все-таки странная. Она как-то вся изменилась. На вечеринке в последнюю встречу буквально к Марку липла, танцевала с ним, была все время рядом. Ревности я не испытывала. С чего это вдруг? Какое я право имею ревновать свободного, молодого мужчину, когда сама вечером отправлюсь с мужем в постель?

Но наблюдала за всем с интересом и даже спяну потихоньку сболтнула ей:

– У меня появился мужчина. Не муж. Новый.

– Марк что ли? – вдруг спросила Еля.

– С чего ты так решила?

Признаться ей не смогла. Моя закрытость оказалась сильнее. Меня подруги научили с годами, что лишний раз лучше просто молчать. А разве нет? Расскажешь одной по секрету, не только расскажет другой, так еще и поделится с тем, кому знать о секрете не надо. Что это зависть? Злость? Глупость?

После таких нескольких случаев я просто замкнулась в себе. Не то, чтобы не доверяла, но лучше быть немного разум-

нее. Успею еще рассказать. Совсем не хочется, чтобы о моей легкой интрижке Игорь узнал от кого-то. Лучше потом и сама.

Мы ушли раньше, оставив Марка с Елией. Она на прощанье смеялась:

– Идите, девчонки. Идите. Замужние все-таки вы.

Я пожалала плечами. Скорей всего, они в ту ночь переспали. Надеюсь, Елия знает, что делает, и сделает верные выводы. Ревность? Ее снова не было. Марк мне ничего не обещал и ничего мне не должен. Впрочем, ничего не обещала и я.

Стою, смотрю на Марка. Он приехал чуть раньше на станцию. Так мы договорились заранее. Наклоняется, целует меня. Этот запах мужских духов мне очень нравится, вдыхаю его с удовольствием.

– Как дела? Чем опечалена?

– Жаль, Елии нет, – делюсь наболевшим. – Ну почему, как встречаю подругу, чуть позже с ней расстаюсь? Почему она ушла с фирмы? Мы не едем вместе на отдых.

– Ну, послушай. О чем тут переживать? Из города она не уезжает. Будешь общаться с ней всегда, как только захочется.

– Да уж...

– Поверь, так и будет.

– Я верю. Да, – говорю, улыбаясь. Киваю. – А вон и Руслан идет. Команда к уик-энду готова.

Елия

Меня матерят так, что слышит весь офис. Я совершила

ошибку. Отправила баннер в печать, не разместив на полотне логотип. Материал весь насмарку, убытки. Шеф злобно орет, грозитя оштрафовать. Не понимаю одно... Зачем меня так оскорблять? Он ведет себя, как базарная баба, в гневе похож на отца. Думает, раз наделен полномочиями, значит, ему все простительно?

Вот генеральный директор – другой. Он говорит не очень громко, при этом ведет себя так, что вокруг люди бегают, как заведенные пчелки. Ни разу не слышала, чтоб он орал, унижал других, матерился. Вот Арслан – пример властности для меня и порядка. А этот... дешевый актер.

Мне неприятно за промах, надо ошибку исправить. Но не смертельно же? Пусть сдвинутся немного сроки рекламы, зарплату дадут поменьше.

Гнетет другое. Уже три месяца здесь, и все на этой работе не так. Не знаю, что со мной происходит. Куда только пропали смекалка, умение успевать везде и способность делать все сразу? Чувствую, что деградирую, постоянно туплю, хотя очень-очень стараюсь. Но, что работа? Моя личная жизнь катится куда-то в пропасть.

Марк... Он сам не звонит и не особенно хочет встречаться в то время, как горит моя страсть. Только если раньше я с радостью на работу бежала, полной грудью счастьем дышала, то теперь нахожусь в постоянных мрачных раздумьях. Как его чувства сильнее разжечь, заставить звонить, звать на свидания? Что я делаю не то и не так?

Всегда стараюсь быть беззаботной, веселой, лишь бы не доставить проблем. На свиданиях выгляжу на все сто. Хотя в другое время уже не так слежу за собой, больше сплю, меньше сил уделяю прическам. Да, конечно, жалуюсь на начальника-деспота, но я так сильно нуждаюсь в поддержке.

Жаль, новых платьев и туфель купить не могу. С зарплатой на новом месте не очень. Обещали регулярно и много, а выплатили только за месяц. Задерживают, вечно оправдываются: «Фирма растет, потерпите».

Все-таки я полная дура. С работой плохо и в любви не везет. Постоянно в мыслях крутится расхожая фраза, гоню ее, но снова к ней возвращаюсь. С глаз долой, из сердца вон, говорят... И это как раз про Марка. Про него.

Только я все сильнее скучаю, до новой встречи считаю часы. А встречи с ним, как назло, довольно быстро проходят, и я снова ныряю в кошмар. Ощущение капкана, в который сама угодила, становится острее и ярче. Моя новая жизнь Марку не так интересна, а о своей он не стремится рассказывать. Приходится вытягивать из него, как клещами, что происходит на фирме, что нас объединила когда-то. Мы катимся в пропасть, но я пытаюсь бороться и верю в свою любовь. Я хочу замуж за Марка и, надеюсь, желание сбудется.

Но рядом с ним – Саша. Даже если они не встречаются, факт наличия другого мужчины говорит о том, что она легкомысленна. Появился один, появится легко другой. Зная, что она нравится Марку, боюсь, они переспят. Под напором

такого мужчины любая женщина быстро растает.

А, может, зря так волнуюсь? Саша – моя подруга, мы продолжаем общаться. При случае, расскажу обязательно о Марке и о себе. Уверена, она не из тех, кто может подставить, предать. Пора действовать, пока не поздно!

– Ренес!

Из кабинета шефа на весь второй этаж слышится крик. Ну что снова стряслось? Бегу к нему в кабинет, останавливаюсь перед столом. Он сидит, развалившись, в кресле, ноздри раздуваются, сведены брови. Давящей атмосферой пропитано все вокруг, хочется съежиться, засунуть голову в плечи. Кажется, неверное движение и в ход пойдут руки, ремень. Мне становится не по себе настолько, что мысли в голове разбегаются, подобно трусливым букашкам.

– Ты отправила в регионы буклеты?

– Не успела.

Матерная брань, как следствие. И это нормальный процесс! Он на всех неугодных орет, не трогает лишь двух «любимец». С ними шеф постоянно на выездах, у них общий автомобиль, только им улыбается, шутит. Они строят торговую сеть и работают по-настоящему. Остальные для него – тупой мусор, объекты воспитательных действий.

Да кто он такой для меня?

Спасительная мысль отрезвляет, запускает цепочку анализа.

Да что происходит-то, а? Какое право имеет орать на меня

этот мужчина? Он кто такой?

Пора уже взять в руки свои проблемы, решить их, во всем разобраться.

Я разве рабыня? Почему разрешаю себя унижать? Три месяца одно и то же. Сколько можно терпеть?

Здесь что? Единственное место работы? Да пошли к черту плохие рекомендации! Начну все сначала! Я вообще свой бизнес хотела, есть повод задуматься. Жаль, опыта еще маловато и нет начального капитала для старта.

Согнутые плечи подаются назад, подбородок чуть-чуть поднимается.

– Хочу уволиться, – выдавливаю, но стараюсь отчетливо. Для меня так уже достижение.

Тишина звенит между нами. Взгляд шефа вдруг проясняется.

– Что? Почему? – недоумение в голосе.

– Вы меня оскорбляете. Я плохо выполняю работу. Дайте лист, напишу заявление. Вы справитесь и без меня.

Шеф машинально кивает, сажусь. Пальцы чуть подрагивают, пишу. Это мой выбор и право.

Нашлись пупки вселенского царства! Найду себе другую работу, пусть даже с зарплатой поменьше. Сколько можно надо мной издеваться?

Босс молчит, заявление ложится на подпись. Начальник задумчив, весь пыл куда-то иссяк. Жду, пока он пишет что-то там в уголке. Отрывается, мы смотрим друг другу в глаза:

– Ну... – говорю, усмехаясь. – Не найду, вдруг, работу, возьмете к себе обратно?

Хочу проверить, насколько я отвратный работник. Узнать, что ни на что не гожусь. Но босс кивает. Возьмет? Он реально готов повторить все?

Хм. Ладно. Станный он. Я к нему точно никогда не вернусь. Буду думать, что мы полюбовно расстались.

Иду в отдел кадров, сдать дела мне хватит и дня. Правда, увольнение растянется на неделю, пока не найдут мне замену, но это уже ерунда. В венах вместо крови течет дух свободы и счастья. Наконец-то закончились маты, задержки зарплаты, не нужно в офис ездить с двумя пересадками. Через весь город устала кататься. Ад закончен, но больше всего пьянит старое, позабытое чувство уверенности, самостоятельности и силы. САМА. Я все решила и довела до конца.

В некоторой эйфории от того, что моя жизнь под контролем, звоню Марку, настаиваю на встрече. На удивление он даже не против, но не сегодня, а в пятницу. Прекрасная возможность расставить все точки над «i». Спрошу прямо, как он относится ко мне, что будет дальше.

Жду долгожданного дня, ищу работу, но запал выяснить отношения потихоньку исчезает на «нет». Внутри что-то подсказывает, что разговор может оказаться последним. Зачем торопить события и дергать кота за усы? Что если он сомневается? А я только разрыв подстегну... Надо быть немного хитрее и мягче.

В пятницу собираюсь и лечу к нему, невзирая на осенний холод. Тоненькие колготки и юбочка, длинные сапоги, куртка. Все для того, чтобы подчеркнуть ноги, талию, попку. Все, чем горжусь, все достоинства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.